

В своих записках Берестов рассказывал, как после расправы с фашистами на болоте оставшиеся в живых заключенные завладели машиной, на которой был привезен мусор, и покинули опасное место, пока эсэсовцы не напали на след.

Им удалось миновать все кордоны и окольными путями добраться до окраины города, сильно пострадавшей от бомбёжек, что не могло не порадовать беглецов.

Дома вокруг были непригодными для жилья, и немцы их покинули. Но эти развалины на какое-то время могли укрыть узников.

Машину они загнали в подворотню рухнувшего дома, а сами спрятались в подвале.

Теперь нужно было решить, что делать дальше. Среди узников оказались несколько немцев. Они могли меньше всего вызвать подозрение, и потому их решили послать в город, где они должны были попытаться нащупать связи с членами Сопротивления. Какое-то время ушло на поиски подходящей одежды для них. Ее нашли в развалинах.

Группу лазутчиков возглавил Макс Зигель. Машина в подворотне могла привлечь внимание гитлеровцев. Сначала ее хотели спустить в огромную залитую мутной воюющей водой воронку во дворе, но потом разведчики решили использовать ее для того, чтобы выбраться из этой части города, а затем оставить на какой-либо из улиц среди других машин.

Как только они уехали, оставшиеся узники занялись осмотром соседних домов в поисках более надежного убежища, с хорошим обзором во все стороны, с закрытыми переходами на случай отступления. В некоторых пустующих квартирах нашлась оставленная в спешке еда: кулек с макаронами, стеклянная банка с вишневым вареньем, кубик эрзац-хлеба в станиловской обертке.

В полдень во двор дома, где сидели в укрытии узники, въехала тяжелая грузовая машина. В длинном кузове с высокими бортами сидели эсэсовцы с собаками. Среди них находился один из тех немцев, которого послали в разведку. Он вскочил на ноги и указал в направлении того дома, в подвале которого первоначально укрылись заключенные. Это был провокатор.

Узникам стало понятно, почему он зашелся в кашле на болоте у переправы: хотел привлечь внимание фашистов. Но не получилось. Их быстро уничтожили.

Гитлеровцы стали выпрыгивать из кузова.

Берестов понял, уйти всем будет невозможно. Сказал об этом Жоржу.

- Бегите, я прикрою ваш отход.

- Нет, останемся вдвоем, - возразил Руа. - Пусть уходят.

- Торопитесь, - приказал Берестов. - Скорее.

Фашисты уже выскочили из подвала, собаки натягивали поводки, тащили их по направлению к дому, в котором теперь находились узники.

- Начинаем, - сказал Берестов, взяв на прицел провокатора, стоявшего у машины.

- Начинаем, - ответил Руа и выпустил очередь по фашистам, которые шли вдоль стены с овчарками. Они упали на землю. Рухнул, вскинув руки, провокатор, сраженный Берестовым.

- Собаке собачья смерть, - Берестов бил короткими очередями, брал патроны, то и дело менял позиции. Вдруг он услышал, как Жорж Руа вскрикнул и упал на свой автомат. Берестов подскочил к нему и перевернулся на спину. Пуля попала Жоржу в шею, он потерял сознание. Из раны тонким фонтанчиком била кровь. Берестов сорвал с себя рубашку и стал перевязывать рану Жоржу. И в это время к Берестову подскочила собака и вцепилась зубами в руку. Он стал отбиваться от овчарки, норовил взять лежавший на камнях автомат, но ему это не удалось. На его голову обрушился сильный удар, и Берестов потерял сознание.

Он и Жорж Руа были снова отправлены в концлагерь и попали в ревир, где провалились около месяца - один с проломом черепа и сотрясением мозга, а второй с раной на шее. Их то и дело допрашивали, пытаясь выяснить все обстоятельства, связанные с бомбёжкой замка Баузеров, с побегом из имени барона. Фашисты были уверены, что узники поддерживали связь с внешним Сопротивлением, и хотели выйти на след. Но им ничего не удалось добиться ни от Берестова, ни

от Руа. И тогда беглецов отправили специальным транспортом в одну из оккупированных немцами стран, в подземные каменоломни. Туда посыпались по личному приказу Гиммлера все те, кто был перед этим переведен за преступления перед рейхом в концентрационные лагеря для казни: русские военнопленные, в частности комиссары, которые по своим физическим данным могли быть употреблены на работе в каменоломнях. Прежде чем отправить всех этих людей в газовую камеру, их использовали на каторжных работах.

Попав под землю, в обширные пещеры в горах, где готовились площадки для установки оборудования и воздвигались железобетонные перегородки, бывшие летчики Берестов и Руа поняли, что под землей строится завод по производству сверхсекретного оружия. Это подтвердили и те узники, которые сюда были присланы раньше, когда строительство здесь, в горах, еще только разворачивалось.

Все работы велись в строжайшей тайне. И для этого у фашистов было немало причин. Об одной из них Берестову и Руа рассказал их новый товарищ поляк Стефан Гансовский, которому довелось уже поработать на острове Узедом, где создавалось "оружие особого назначения". Могли ли фашисты забыть ту августовскую лунную ночь 1943 года, когда армада английских "ланкастеров" из стратегической авиации (шестьсот четырехмоторных бомбардировщиков) сбросила свой смертоносный груз на сверхсекретный испытательный полигон в Пенемюнде. Пятисоткилограммовые бомбы, канистры с зажигательной жидкостью и фосфором обрушивались на железобетонные цехи, где создавалось оружие, на лаборатории, на электростанцию и кислородный завод, на поселок технического персонала, на портовый квартал, на бараки поселки военнопленных и насильственно угнанных рабочих. Во время этого налета погибли 735 пенемюндцев. Среди них было более 600 узников концентрационного лагеря Трассенхейде. Но дело, конечно, были не в узниках. На смену погибшим фашисты могли пригнать любое количество заключенных из близлежащих лагерей.

Строя новый завод в горах, фашисты опасались, как бы не повторилось то, что произошло в Пенемюнде, а поэтому было предпринято все, чтобы тайна была сохранена.

Высокая бетонная ограда выросла среди деревьев. Подходы к ней были преграждены несколькими рядами колючей проволоки, сквозь которую проходил ток высокого напряжения. Там и тут поднялись над верхушками деревьев сторожевые башни с гнездами крупнокалиберных пулеметов. Под ними разместились казармы лагерной охраны, псы для овчарок, обученных эсэсовцами хватать за горло людей.

Среди заключенных ходили страшные слухи о том, что "с целью сохранения секретности" все, кто попадал под землю, должны остаться там. Эсэсовцы, наблюдавшие за строительством, по мере надобности ликвидировали всех свидетелей своих тайных операций. Безжалостно уничтожались и те военнопленные, которые выходили из строя по болезни или увечью.

По дну пещер протекала река. Она брала начало из подземного озера. Реку перекрыли, в результате чего озеро вскоре заметно поднялось, а избытки воды, которая продолжала прибывать в озеро, теперь стали уходить в другую пещеру. К озеру были подведены толстые трубы на тот случай, если завод потребовалось бы затопить, для этого достаточно было открыть специальные шлюзы.

Однажды сгружая с машин токарные станки, Берестов толкнул Жоржа Руа в бок:

- Смотри, кто пожаловал. Вот это встреча.

Руа оглянулся и увидел в центральной штолне группы эсэсовцев и каких-то гражданских лиц в темных костюмах.

Один из военных - довольно стройный, даже поджарый с худощавым тонко очерченным лицом и поднятыми кверху плечами давал окружавшим его людям какие-то указания.

- Кто это? - тихо спросил Руа.

- Курт фон Бауэр.

- Ты не обознался?

- Зубов у меня недостает по вине гестаповцев, а глаза пока еще целы.

Берестову тотчас же припомнились разговоры в замке Бауэров во время приезда нацистов о Курте, вставшем во главе строительства, которое считалось объектом особой важности германского рейха, и осуществлялось в глубокой тайне военнопленными.

Ведь именно на этом подземном заводе Манфред и Ганс Бауэры собирались по совету генерала Рейнхольда развернуть производство по выпуску летающих бомб, управляемых человеком, и тем самым "заткнуть за пазуху" самого Вернера фон Брауна, не говоря уже о японцах. Отец и сын даже подсчитывали тогда, какую экономию им даст замена радиоаппаратуры человеческим мозгом.

- Как сейчас вижу его, неприкаянно бродившего с опущенной головой по аллее своего родового имения, - тихо говорил Берестов, хмуря брови. - И мне стоило немалых усилий, чтобы удержать себя и не треснуть его по куполу рукояткой автомата. И потом, в бане, я еще раз подарил жизнь этому гаду. Теперь вижу зря. Ну, да ему еще воздастся по заслугам. Жалко только, что мы не увидим этого.

Курт фон Бауэр не останавливался ни на одну минуту, все указания давал на ходу. Было похоже, что он куда-то спешил. Охранявшие хозяина этого мрачного подземелья эсэсовцы с изготовленными к стрельбе автоматами едва поспевали за ним. Желтый призрачный свет с то и дело менявшимся напряжением в лампочках, которые свисали на толстых шнурах с каменного потолка, освещал его бледное интеллигентное лицо то с одной стороны, то с другой. И было видно, что Курт Бауэр недоволен ходом работ, связанных с монтажом оборудования, что-то резко, но негромко говорил своим подчиненным, сводя к узкой переносице прямые, как стрелы брови и кривя тонкие губы. Сопровождавшие его люди поспешно кивали головами, звонко щелкая каблуками.

Так Берестов впервые встретился под землей с сыном директора авиационного завода Куртом фон Бауэром, о котором уже немало был наслышан, когда строил русскую баню в имении Бауэров.

Так вот он какой, этот отпрыск клана Бауэров, где безраздельно владычиствовали многолетние традиции реакционно-

го пруссачества, - думал Руа. На мгновение летчики представили Курта за штурвалом одного из бомбардировщиков, которые сбрасывали бомбы на Варшаву, а потом на Данию и Норвегию. Как знать, возможно, Берестову пришлось встретить Курта в воздухе, когда он летал на Москву.

Вскоре после посещения Куртом фон Бауэром пещер количество узников в подземном лагере резко возросло. Их перевели сюда из близлежащих лагерей.

Но это не облегчило их работу. Нормы оставались такими же большими. И условия жизни у них не изменились, и были ничуть не лучше, чем на других подземных заводах Германии, и в частности на предприятии по производству ракет Фау, расположенному в южном Гарце вблизи города Нордхаузен, где в толще горного массива день и ночь работали двенадцать тысяч заключенных концентрационного лагеря "Дора".

Здесь люди работали глубоко под землей, в железобетонных коробках и знали, что никогда больше не увидят небо и солнце, так как путь отсюда был только один - в кремационную печь, куда отправляли всех больных и немощных. Их сжигали, чтобы никто никогда не узнал, где находился этот завод. Режим деспотизма, тирании и произвола здесь был доведен до предела.

В лагере отсутствовали элементарные гигиенические условия. Несмотря на находившееся под землей озеро, вода сюда подавалась с большими перебоями и была мутной. Люди постоянно испытывали жажду и нередко пили из луж на каменном полу, хотя это и запрещалось лагерным начальством. Охранники, в большей своей части бывшие немецкие уголовники, немало переломили палок о головы и спины заключенных, отгоняя их от единственного на весь лагерь крана. Вымыться или выстирать белье было проблемой, и люди по три и более месяцев не меняли белья.

Вспыхнула эпидемия чесотки. Легко излечимая болезнь вызвала у лагерного начальства панику. Все чесоточные были изолированы, а потом умерщвлены газом и сожжены.

В газовую камеру отправлялись заболевшие тифом и даже те, кто был в контакте с заразными больными.

Гитлеровская лейб-гвардия рейхсфюрера СС Гиммлера следила за каждым шагом заключенных.

Даже обреченные на "большое папское затворничество" в монастырях Италии, вычеркнувшие из своей памяти все земные радости, навсегда разлученные с домом, и семьей со-дрогнулись бы от страха при виде тех мук, которые испытывали узники по вине палачей фашистской инквизиции.

"Может показаться, что я утрирую, когда, рисуя облик фашистов, показывая их повадки, концентрирую внимание на отрицательных сторонах наших заклятых врагов, - писал Берестов. - Нет, это не одноглазые Циклопы, не монстры, не чудища с тремя головами, а такие же, как все мы. Среди них я встречал весьма благообразных на вид стервятников, которым, видно, не чужда любовь к ближнему, не чужды страдания. Наверное, у иных есть даже совесть (во всяком случае они любят говорить о ней, присовокупляя такие слова, как "долг" и "приказ"), и в другое время, при других обстоятельствах они, возможно, могли бы стать примерными обывателями, почтенными отцами семейств, а не рабовладельцами, насильниками и убийцами. Беда была вся в том, что многие из них искренне считали нас людьми второго сорта, недочеловеками. Им так внущили, и они в это охотно поверили. Им было выгодно в это поверить. В большей своей части это хитрые опасные противники, люто ненавидящие Советскую власть, советский народ. И рассказывая о них, я могу платить им только той же монетой. Меня переполняет презрение к фашистам, и мне трудно, да я и не могу заставить себя видеть в них что-то положительное. И нет ничего удивительного в том, что мне в первую очередь бросается в глаза их высокомерие, их спесь, их наглость, их духовное уродство. По этой же причине они и внешне мне кажутся непривлекательными".

Между тем поступавшие сверху взамен сожженных рассказывали, что советские войска на всех фронтах теснят врага. Немцев прогнали из Финляндии. Войне подходит конец. Это не могло не радовать Берестова и других военнопленных, но они знали, что им вряд ли удастся встретить светлый День

Победы. От гитлеровской Германии отпал ее союзник - Болгария. Новое болгарское правительство объявило войну Германии. Красная армия вступила на территории Югославии и Венгрии.

Близкие к технике Берестов и Руя хорошо понимали, для чего делались отдельные детали и отправлялись в хорошо охраняемый цех сборки, откуда выходила и отгружалась на верх готовая продукция - ракеты дальнего действия. И бывших летчиков крайне удручало, что они вынуждены участвовать в изготовлении оружия против союзников, уже на собственной шкуре испытавших дьявольские козни бесноватого фюрера, которому до недавнего времени потакали, надеясь, что их война не коснется. И вот, очухавшись и поняв наконец, что только совместными усилиями можно победить коварного врага, вознамерившегося покорить весь мир, они вынуждены были включиться в борьбу за свободу и независимость. Но это промедление им дорого обошлось.

Находясь на подземном заводе, Берестов не раз представлял себе стартовые пусковые площадки на побережье Северной Франции, в Голландии и устремленные в небо ракеты, похожие на сигары, какие сосал Клопс. Представлял, как запальное устройство поджигает эти сигары снизу и как разрастается огненное пламя, окутывая все вокруг дымом, а потом они медленно отрываются от земли и устремляются ввысь. Они летят строго вертикально, словно хотят пронзить небосвод, и, кажется, должны вертикально упасть вниз на головы тех, кто их запустил. Но он знал, что в нужный момент, когда ракеты достигнут стратосферы, умные механизмы развернут их в сторону, в нужном направлении. Ракеты понесут свой смертоносный груз на Лондон, где проживает пятая часть населения страны - 9 миллионов англичан, на Антверпен, на Брюссель и другие города Европы. И ничто не сможет остановить эти ракеты, потому что они поднимутся на такую высоту и полетят с такой скоростью, каких не может достигнуть ни зенитный снаряд, ни самый современный самолет. И защититься от них тоже невозможно.

Узники подземелья не могли и не хотели оставаться равнодушными к преступным действиям врага. Сплотившись во-

круг летчиков, взявшим в свои руки инициативу, они организовали внутреннее сопротивление, чтобы всеми имеющимися у них возможностями противодействовать усилиям фашистов. Им помогали убежденность и сила интернационального единства, хотя эсэсовцы делали все, чтобы посеять вражду между людьми разных стран.

Берестов и Руа использовали малейшую возможность, чтобы "открыть глаза" еще не созревшим для борьбы рабочим. Делали они это очень осторожно, чтобы не привлечь внимания эсэсовцев, что привело бы к немедленной изоляции инициаторов и к их смерти. Летчики писали короткие листовки на упаковочной бумаге, в которых объясняли, что представляет собой сверхоружие, которое они производят, и оставляли эти листовки на рабочих местах.

Многие детали требовали большой точности изготовления, и это натолкнуло Берестова и его товарищей на мысль попытаться снизить точность обработки на отдельных операциях. Ими были изготовлены специальные штампы. При помощи этих штампов можно было добиться микроскопических, незаметных для глаза изменений в конфигурации деталей и в конечном итоге сорвать программу производства секретного оружия. Когда эсэсовцы забили тревогу, подпольщики достали настоящие штампы, а с заведомо измененной конфигурацией спрятали.

Для расследования причин брака на подземный завод была послана из Ставки Гитлера специальная комиссия, среди членов которой имелись профессиональные палачи, мастера ухищренных пыток.

И тут Берестову и Руа пришлось столкнуться еще с одним знакомым им эсэсовцем - бригадефюрером Фердинандом Клопсом. Именно Клопс-то и возглавил комиссию по расследованию причин брака.

Он начал свою деятельность с того, что самым внимательным образом ознакомился с личными делами персонала, допущенного к секретным работам, каждого из ответственных работников вызывал к себе для беседы, сличал их лица с фотографиями, пытаясь определить чистоту арийской крови.

Вместе с Куртом фон Бауэром проверял организацию работ на объекте, дисциплину на рабочих местах, охрану, систему слежки за сотрудниками и заключенными, списки осведомителей гестапо среди заключенных; ознакомился Клопс и с доносениями агентов.

Попутно с этим он выполнял и секретное поручение имперской службы безопасности. Клопс должен был, как об этом стало потом известно Берестову, снять на микропленку весь производственный процесс по изготовлению секретного оружия, а потом передать эту пленку в имперскую службу безопасности, в распоряжение самого Гиммлера. В дальнейшем эти материалы могли стать той откупной, которой планировала воспользоваться нацистская верхушка, если наступит крах третьего рейха и придется искать контакт с победителями из союзных государств.

Когда-то, будучи начальником гестапо на оккупированной территории, Клопс руководил политическим отделением одного из лагерей смерти, где проводились допросы третьей степени. В то время он специализировался на допросах военнопленных, совершивших особо тяжкие преступления перед третьим рейхом. Теперь его способность развязывать языки у заключенных очень пригодилась хозяину завода.

Один из узников не выдержал пыток и рассказал Клопсу, что руководителями саботажа были советский летчик Макар Берестов и французский летчик Жорж Руа.

Клопс узнал и того и другого, как только их привели к нему на допрос. Здесь же в комнате оказался и Курт фон Бауэр. Он стоял с заложенными в карманы руками возле огромного освещенного сбоку аквариума и смотрел на лениво плававших в нем рыбок.

- Вот и встретились, - сказал Клопс, потирая руки. На мясистом лице его появилось сладкое выражение. - Теперь я для вас сделаю баню. Уже германскую. Вы у меня на славу попаритесь, оба.

Курт фон Бауэр нервно барабанил пальцами по стеклу аквариума, исcosa посматривая на узников. Ритм показался Берестову знакомым. Ну, конечно, это был все тот же Баден-вейлерский марш.

Клопс вышел из-за стола и, заложив руки за спину, медленно описал вокруг узников восьмерку, едва не задевая их своим могучим животом. Его маленькие заплытые жиром глаза отсвечивали кровью, как у разъяренного быка, а выдвинутые вперед губы растянулись в улыбке. Более страшной улыбки Берестову еще не приходилось встречать. Но летчик не испугался и смотрел на Клопса прямо и твердо.

- Мы знаем, какие "бани" выпускает ваш завод, - сказал Берестов, глядя фашисту в глаза. - Их жар даже кости превращает в пепел, который потом идет на удобрение полей. Но эти германские бани не могут убить идею, которую коммунисты всего мира носят в своем сердце. Эта идея бессмертна. Даже если бы фашистам удалось уничтожить всех до одного коммуниста на земле, что сделать невозможно, потому что колесо истории нельзя повернуть в другую сторону, то и тогда они не смогли бы уничтожить идею коммунизма. Она как сказочная птица Феникс рано или поздно возродилась бы даже из пепла.

Клопс не перебивал Берестова. Он стоял, вцепившись жирными руками в спинку кресла, и силился вникнуть в смысл его слов.

- Это пустые слова, - неожиданно для узников заговорил Курт фон Бауэр. Голос у него был глухой, бесцветный. - Да, только слова, придуманные еще древними египтянами. Это можно доказать.

- Послушаем, - усмехнулся Берестов.

- Нет, я сделаю так, чтобы они это увидели, - сказал Клопс.

- Ведь у них на востоке говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

- Это самой собой, это успеется, - проговорил Курт фон Бауэр, подходя к заключенным. - Надеюсь, вам известно, - продолжал он, - что когда сорняк вырывают с корнем, он больше никогда не появляется на этом месте. То же самое относится и к живым тварям. Люди, скажем, к примеру, уничтожили мамонтов, морских коров, и теперь эти животные никогда больше не появятся на земле. Никогда. Все, что противится духу нового мира, нами тоже будет стерто с земли, уничтожено раз и навсегда. Сам Георг Вильгельм Фридрих

Гегель считал славянские народы "неисторическими". Вы для него своего рода реликты и место вам в резервациях.

- И в крематориях, - добавил Клопс.

- Нас этими словами не испугаешь, ведь

Мы

диалектику

учили не по Гегелю

Бряцанием боев

она врвалась в стих,

Когда

под пулями

от нас буржуи бегали...

сказал Берестов, - и вы тоже уже давно готовите себе смазку для пяток и высматриваете щели, в которые можно будет забиться. Не так ли, генерал Клопс? Ночами вам снится Испания или Южная Америка...

- Заткнитесь! - Клопс грохнул кулаком по столу. Мокре от пота лицо его налилось краской и сделалось похожим на пареную свеклу. Но Курт положил ему руку на плечо, и он снова растянул губы в ухмылке.

- Напрасно вы так о Гегеле, - проговорил Курт. - Даже ваш идеальный фюрер и самый опасный еврей Карл Маркс учился у нашего Гегеля и взял из его учения "рациональное зерно". Не так ли?

Берестов покачал головой:

- Наш Карл Маркс, гениальный основоположник научного коммунизма, великий учитель и вождь мирового пролетариата, взял у вашего Гегеля диалектический метод подхода к явлениям действительности и согласился с тем, что источником развития является борьба противоречий, что развитие происходит путем перехода количественных изменений в качественные и так далее. И наш Маркс напрочь отбросил из учения вашего Гегеля всю идеалистическую шелуху о покое и неподвижности, о застое и неизменяемости, о "духовных первоначалах" бытия, о сотворении мира Богом.

Если бы ваш Гегель не испугался и довел до логического конца свое учение о противоречиях как движущей силе развития, то он бы неминуемо пришел к выводу о том, что победа принадлежит новому, прогрессивному. Но он был консерватором и реакционером, ваш Георг Вильгельм Фридрих Гегель, он, как и ваш покойный дед Манфред фон Бауэр, лелеял в своем сердце мечту о средневековой сословной системе, которая мила и вашему сердцу, господин Курт фон Бауэр, в этом мы убедились, находясь у вас в замке. Вы хватаетесь за учение этого идеалиста, пропагандируя расизм и завоевание мирового господства. Напрасно. Время резерваций кануло в вечность. Мечты о них - удел маньяков и параноиков.

- Хватит! - снова гаркнул Клопс, наливаясь краской. - Хватит дискуссировать. Перейдем к делу. Я обещал вам показать, как умирают идеи, и я выполняю это обещание.

- Как вы умерщвляете идеи, - поправил его Берестов.

- Это все равно, - Клопс велел стоявшему в дверях эсэсовцу увести узников.

Курт фон Бауэр снова занялся золотыми рыбками, плававшими в аквариуме. Снова задребезжало стекло, по которому он выбивал пальцами Баденвейлерский марш.

Это был первый разговор Берестова с одним из отпрысков дома Бауэров, можно сказать, его сверстником и в какой-то мере его коллегой по военной профессии. Первый, но далеко не последний...

Пещера пыток находилась в одном из боковых ответвлений этого жуткого подземного царства. О ней среди заключенных ходили страшные слухи. Тот, кто выходил оттуда живым, считался счастливчиком, если, конечно, можно было считать таковым человека, лишившегося нескольких зубов или ногтей, с огромными кровоподтеками и ранами, с обожженными конечностями. Эта пещера была оборудована по последнему слову инквизиторской техники, и "работавшие" там палачи могли по праву считаться заплечных дел мастерами. В их распоряжении имелось все необходимое для того, чтобы подавить в человеке человеческое, сломить его и уничтожить, пробудить в нем неизменные звериные начала.

Войдя в пещеру, освещенную мутно-красным светом факелов, вставленных в чугунные кронштейны на стенах, Берестов и Руа увидели подвешенных за руки к металлической перекладине заключенных, с них "снимали" допрос. Если кто-то из узников не отвечал, если ответ не нравился эсэсовцу, он брал горящую паяльную лампу и направлял струю пламени к обнаженному телу узника. То и дело раздавались душераздирающие вопли, пахло горелым мясом.

К горлу Берестова подступила неудержимая рвота. Стоявший в стороне Клопс самодовольно захохотал, запрокидывая голову.

- Вам придется разделить их участь, если вздумаете прокусить себе язык, - сказал он, подходя к Берестову и Руа. - Выбирайте, пока не поздно. - На нем была несвежая пропотевшая коричневая рубашка с прилипшим к шее воротником и закатанными по локоть рукавами. Багровое лицо лоснилось. Здесь он был похож на дикого быка из Кносса - кровожадного африканского зверя, выпущенного на арену Колизея.

- Что вы хотите от нас? - спросил Руа.

- Сущие пустяки. Признания и раскаяния. Это так просто.

- Нам не в чем признаваться, - сказал Берестов.

- И не в чем раскаиваться, - в тон ему ответил Руа.

- А это мы еще посмотрим. Ведь так говорили многие до того, как оказаться подвешенными. В ваших интересах быть правдивыми, - и как бы для того, чтобы убедить узников в правоте своих слов, он шагнул к одному из заключенных, который не хотел отвечать на заданный вопрос, не спеша занял стойку боксера и быстро нанес ему боковой удар с дальнего расстояния. Свинг был выполнен вполне профессионально, что вызвало на лице Клопса самодовольную ухмылку. Склонившись над упавшим на пол узником, изо рта у которого хлынула кровь, он сказал:

- Я заставлю тебя говорить даже в том случае, если ты подохнешь.

Здесь же, в пещере пыток, летчики Берестов и Руа встретились еще с одним известным узником человеком, одно имя которого приводило в трепет заключенных концлагеря, в ко-

тором они находились, когда работали на авиационном заводе, доктором Гейнцем Бухвальдом. «Как он попал сюда? - подумал Берестов. - С какой целью?»

Узникам пришел на память услышанный ими рассказ Бухвальда о своей научной работе, связанной с подавлением и подчинением воли людей, с превращением их в животных или рабов, молчаливо и покорно повинующихся приказам; вспомнились слова генерала Рейхольда, давшего Бауэрам совет поддержать Бухвальда в его экспериментах. "Если он вас обеспечит живым материалом, тогда вы сможете заткнуть за пазуху самого Вернера фон Брауна, не говоря уже о японцах".

Неужели он последовал сюда за живым материалом для своих дьявольских опытов? Ну конечно же где, как не здесь, ему искать слабых и покоренных, на которых он делает ставку. Бухвальда интересовали страсти людей, хотя сам он казался бесчувственным, как мрамор, а может, он и в самом деле был лишен каких бы то ни было эмоций. Узники корчились в муках, стонали, кричали нечеловеческим голосом, а он словно и не слышал их. Его лишенные глубины глаза были тверды, как халцедоны. В них, наверное, не отразилось бы никаких переживаний, если бы даже пытали его самого. Его глаза ощупывали узников, проникали сквозь их черепные коробки и копались в сером веществе мучеников, пытаясь найти там то, что заставляло людей терять человеческий облик.

- Дорогой доктор, я сделаю все, чтобы ваши опыты были успешными, - сказал Бухвальду Клопс, вытирая рукавом лоснящееся лицо. - Потому как вижу, что за ними кроется.

"Ну нет, я не стану для него находкой, - внушал себе Берестов. - Ему не удастся вызвать во мне эффект. Я не потеряю контроля над собой. Умру, но не потеряю".

Пытая Берестова и Руа, Клопс был беспощаден. В его маленьких свинячьих глазах отражались огни факелов, которые он подносил к лицам узников, и, казалось, что эти глаза горели изнутри, словно в голове у фашиста были не мозги, а расплавленный металл.

Клопс усердствовал. Ему давно хотелось обратить на себя внимание нового шефа гестапо Кальтенбруннера, он мечтал быть его доверенным лицом, каким был руководитель специ-

альной диверсионной группы СС матерый головорез и политический гангстер Отто Скорцени, которому поручались самые ответственные и самые авантюрные дела.

Клопс завидовал этому двухметровому широкоплечему верзиле с лицом вышибалы, испещренным глубокими шрамами, которому удалось спровоцировать нападение фашистских войск на Польшу, организовать мнимое нападение на Гитлера, для того чтобы потом арестовать сотрудников английского посольства в Голландии, занять со своим отрядом без единого выстрела столицу Дании Копенгаген.

У Клопса не хватило бы пальцев на руках, чтобы перечислить все "подвиги", которые совершил и намеревался совершить его соперник. Скорцени даже намеревался подплыть на подводной лодке к берегам Америки, пробраться в Нью-Йорк и установить на самом высоком здании мира "Эмпайр-Стейт билдинг" антennы радиопередатчиков, которые бы служили невидимым маяком для межконтинентальных ракет "Фау-3". Но сам Клопс не смог бы совершить и одного из подобных подвигов, потому что здесь нужны были и решительность и отвага. Клопс никогда не отличался смелостью и мог действовать только тогда, когда был уверен в успехе, когда за его спиной стояли сатрапы, готовые прийти на выручку, когда страх, риск и смерть были на стороне его противника. Он предпочитал и за страх, и за риск, и за смерть откупаться награбленными серебрениками.

Клопс сделал ставку на Бухвальда, рассчитывая, что этот злой волшебник позволит ему стать "народным героем" третьей империи, как им стал Скорцени, после того как по заданию фюрера похитил из поверженной Италии Бенито Муссолини.

...Когда к пяткам Берестова прикладывали раскаленное железо, он стискивал зубы и закрывал глаза. Он боялся, что фашисты прочтут в них боль.

Он по-прежнему отрицал свою связь с кем-либо и говорил, что действовал самостоятельно.

Неожиданную странную позицию занял на допросе Жорж Руа. Нет, он никого не выдавал, говорил, что все его прошлые

действия были продиктованы каким-то необъяснимым наитием. (Ничего подобного раньше Берестов от него не слышали). Француз будто бы находился в крайнем раздражении, был обозлен, не владел собой, не давал отчета своим действиям. И только. Это Жорж-то? Да, он был горячим, даже вспыльчивым, но голова у него была светлой, и он всегда сознавал свои поступки. Что же это он мелет насчет завихрений в психике и невменяемости? Берестов отказывался понимать своего соратника по борьбе.

А находившийся на допросе доктор Бухвальд уже что-то нашептывал Клопсу, руководившему пытками узников. Клопс согласно кивал головой.

- Шнапс за вами, доктор, - довольно хохотнул Клопс и велел своим подручным увести Жоржа Руа.

Проходя мимо Берестова, Руа вдруг остановился на секунду, словно его сковала дикая боль, и подмигнул товарищу.

И Берестов все понял. Жорж Руа решил прикинуться невменяемым. Но зачем? Ведь это психическое состояние, исключающее ответственность за совершенное преступление, не принимается во внимание судом фашистов, потому что суда, как такового, опирающегося на законы, у фашистов не существовало. Это не облегчит участ Жоржа Руа. Да и как вообще можно было облегчить участ обреченных на гибель людей. Один раньше, другой позже, а крематория никто не избежит. А шансов на избавление от мук - как говорится, ноль целых и ноль десятых. И все-таки Жорж Руа руководствовался какими-то соображениями.

Находясь в карцере, который представлял собой выдолбленный в скале "каменный мешок", где нельзя было стоять в рост и лежать, вытянув ноги, Берестов продолжал думать о Жорже, пытался понять внутреннюю пружину его действий во время пыток.

Берестов знал, что его песенка спета. Но прежде чем проститься с жизнью, он хотел встретиться с Жоржем, поговорить с ним.

Однако Берестова не отправили в крематорий, хотя и намеревались сделать это, боясь, что советский летчик добровольно покончит с собой, как это сделал сидевший в этом же

карцере поляк Стефан Гансовский. Такие случаи там происходили нередко, так как не каждый мог вынести истязаний. А начальник карцера не хотел обременять себя лишними хлопотами.

Берестов же не собирался следовать примеру Стефана, не хотел уходить из жизни добровольно, он мог принять смерть достойно, с поднятой головой, чтобы у нацистов не было иллюзий, что их боятся, что они сильны.

Берестову была уготовлена другая часть. Его спасло от немедленной смерти то, что он был летчиком. Его и еще нескольких летчиков отправили в оборудованную под землей экспериментальную лабораторию, где испытывалась аппаратура для "оружия особого назначения". За этими громкими словами скрывалось нечто зловещее - реактивные снаряды, пилотируемые человеком по образцу "человекоторпеды".

Отныне бывшие летчики-узники всецело подчинялись фашистам, которые должны были использовать их в качестве "подопытных свинок" в своих медицинских экспериментах.

Гитлеровцы планировали поднять снаряды в стратосферу, как поднимались «Фау-2», чтобы их нельзя было сбить, и хотели знать, как эту высоту будут переносить летчики-смертники, и что нужно сделать, чтобы человек, поднятый на эту высоту, не умер раньше времени, прежде чем снаряд, развив сверхзвуковую скорость, не достигнет намеченной цели. Эта идея с "человекоракетами" пришла по душе самому имперскому министру вооружения и военной промышленности Альберту Шпееру. Он доложил о планах барона Бауэра фюреру. Гитлер потребовал ускорить подготовку пилотов-смертников из недочеловеков.

Едва Берестов перешагнул порог своего нового обиталища, расположенного в отдалении от всех производственных помещений, как увидели Жоржа Руа. Они бросились навстречу друг другу, а потом отошли в сторонку.

- Что с тобой? - спросил Берестов, оглядывая Жоржа. - Почему ты здесь?

- А ты хотел, чтобы меня уже поджаривали в печи крематория. Нет, я не доставлю им этого удовольствия. Ты не бес-

покойся, я не буду французским легионером и не надену форму Дорно (*).

Жорж приблизился вплотную к Берестову и прошептал:

- Я хочу умереть, как Гастелло. Тебе советую прикинуться помешанным. Нас посадят на летающие бомбы и тогда...

- Нет, - перебил Жоржа Берестов. - Этого делать нельзя. Мы не должны дать им повод думать, что нас можно сломить. Нас можно уничтожить физически, но сломить нашу волю, наш дух невозможно. Они не должны обольщаться надеждами, что им удастся пробудить в душах людей дикого зверя, которым был когда-то сам человек, превратить наши народы в послушных рабов. Ты помнишь, что говорил Гитлер своим сатрапам: "Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы. Наша миссия заключается в том, чтобы подчинить другие народы. Германский народ призван дать миру новый класс господ". Нет, Жорж, мы ни одним своим действием, ни одним своим словом не должны укреплять их веру в победу над нами.

Руа задумался:

- Может, ты и прав, - наконец, сказал он. - Только и я прав, по-своему. Я выбрал путь, каким идут разведчики, выдавая себя за друзей рейха и надевая на себя фашистские мундиры. Заслужив доверие, они подрывают гитлеровскую машину изнутри. Конечно, в своем положении я не могу сделать много. Но направить летающий ракетный снаряд в нужную цель должен. И потом, - он сделал паузу, и на измученном лице его вдруг появилась нежная трогательная улыбка. Никогда еще Берестов не видел у Руа такой улыбки, - и потом, я снова увижу небо и солнце. Я умру не как крот, а как сокол.

И Берестов тоже задумался. На память ему пришли строчки из "Песни о Соколе" Горького, которую он учил в школе:

" - О, если б в небо хоть раз подняться!... Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся бы моей он кровью!... О, счастье битвы!...

(*) Легион, созданный предателем французского народа Жаком Дорно.

"И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

"И подошел он, расправив крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и - вниз скатился.

"И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

"Волна потока его схватила и, кровь омыvши, ров, но вспенив, умчала в море".

- К тому же, - снова заговорил Руа, - они увидят, что им не удалось сломить нас, когдапущенный ими снаряд обрушится на их же головы.

- Ладно, - сказал Берестов. - Я согласен с тем, что каждый из нас по-своему прав. Будем поступать так, как велит нам сердце. Главное, что мы снова вместе, не так ли?

- Нас разлучит только смерть.

- И умирая за идею, - подхватил Берестов, - мы утвердим ее. Мы умрем ненапрасно.

И снова летчики Берестов и Руа встретились с доктором Бухвальдом. На этот раз уже лицом к лицу. Он сам произвел осмотр отобранных им для экспериментов узников. Никогда еще так близко им не приходилось видеть этого страшного человека с лицом-маской и неподвижными, как у совы, глазами. И руки его, затянутые в тонкие желтые резиновые перчатки, тоже были похожи на лапы какой-то хищной птицы.

Как стало известно узникам, Бухвальд приехал сюда совсем недавно, по просьбе самого Курта фон Бауэра, задавшего целью оставить позади штурмбанфюрера СС Вернера фон Брауна в производстве управляемых ракет.

Нелегкую задачу поставил перед собой Курт фон Бауэр. Ведь программа создания "оружия возмездия" - ракет «Фай-1», беспилотных самолетов, летающих бомб - уже была завершена. Тысячи рабов рейха трудились в Пенемюнде, в Австрийских Альпах, в лесах Гарца, под холмами Краковщины.

Близилась к завершению и программа испытаний баллистических ракет «Фай-2».

Курт сделал ставку на Бухвальда, который давно уже занимался своими дьявольскими опытами в частной лечебнице Бауэров. Перед доктором были поставлены две задачи: подготовить недочеловеков к тому, чтобы они могли в любое время сесть в эти снаряды и направить их в указанную им цель. Это позволило бы Курту освободиться от сложной и дорогостоящей радиоаппаратуры, что резко сокращало сроки введения в строй нового чудо-оружия.

Человеку, несведущему с характером проводимых Бухвальдом экспериментов, могло показаться, что здесь заключенные находятся в более благоприятных условиях. Каждому из них была отведена отдельная сравнительно благоустроенная камера, в которой имелись кровать с постельными принадлежностями, стол, книги и журналы. В свободное от опытов время заключенные могли читать и писать. Правда, подбор литературы здесь был особый. Книги провозглашали господство над миром слепой неразумной бессмысленной воли, фатализм, мистический идеал "нирваны", благодаря которой человек освобождается от всех жизненных забот и стремлений, от всех страданий, погружается в состояние высшего блаженства, "сливается с божеством"; восхваляли монархию, дворянское сословие и войну. Среди книг Берестов увидел сочинения реакционных немецких философов-идеалистов Артура Шопенгауэра, Освальда Шпенглера, английского попа Мальтуса. Здесь он мог познакомиться с карманным изданием сочинения Вильгельма Ницше "Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого", с которой не расставался Паррабеллум в замке Бауэров, считая это творение величайшим достижением земной мудрости, воплощением дионасийской философии "высшего действия".

Между собой "подопытные", как называли узников фашисты, встречались во время приема пищи, а также после того, как опыты заканчивались и узникам давался короткий отдых. Впрочем, отдыхом это назвать можно было только относительно. Эсэсовцы сгоняли людей в общее помещение и предоставляли самим себе, но за каждым узником велось наблюдение. Среди них вдруг обнаруживались дебоширы из числа бывших уголовников. Они нагло приставали к кому-

либо из узников, пытаясь спровоцировать скандал и драку. Иногда дело доходило до убийства. Берестов догадывался, что все это было подстроено Бухвальдом. Профессора, как он сам велел себя называть, интересовало, как реагируют подопытные на подобные эксцессы.

Бухвальд потребовал от Берестова заполнить специальную анкету, отдаленно напоминающую листок по учету кадров, но более обширную, с множеством странных пунктов. Нужно было назвать родителей, братьев и сестер, дедов и прадедов, бабок и прабабок, дядек и теток по линии отца и матери, описать их внешность, склад характеров, привычки и наклонности. Кто и чем болел и какие у кого были пороки, каким родом деятельности они занимались и как относились к своим обязанностям. Особое внимание уделялось их мировоззрению и психическому складу, а также патологии и всяkim отрицательным аномалиям: злобе, распутству, подлости, агрессивности, садизму. Массу всяких сведений подопытный должен был сообщить о себе, о своих взглядах на мир и о своем образе жизни, о симпатиях и антипатиях к чему-либо или к кому-либо, о судимостях и пребывании в тюрьмах, колониях и ссылках. Бухвальда интересовало также, какие мысли приходили подопытному при виде тех или иных аномалий в человеческой психике, какие ассоциации возникали у него, о чем он думал, что он чувствовал при этом.

Даже сны Бухвальд не оставлял без внимания. "Профессор" стремился узнать: проявлял ли кто-либо из узников насилие во сне, покушался ли на чью-либо жизнь. Если таковые находились, он зачислял их в особую группу. Он считал, что они и наяву способны к убийству, если обстоятельства во всех отношениях окажутся благоприятными для этого.

Берестов не стал уклоняться от заполнения анкеты, ничего не скрывал из своей биографии, считал ее своим едва ли не единственным оружием против фашизма. Знал: все факты в его биографии будут бить нацистов. Он рассказывал о деде, который с оружием в руках сражался за власть Советов, об отце, продолжившем дело своего отца и участвовавшем во многих воздушных боях с фашистами в рядах интернацио-

нальных бригад в Испании, сформированных из волонтеров свободы более пятидесяти стран, о себе самом.

Нет, в его биографии не было тех сучков и задорин, на которые Бухвальд цеплял свою гребаную идею превращения узников в слепых исполнителей чужой воли. Биография Берестова не оставляла камня на камне от выдвинутых "профессором" предпосылок о том, что русские - вырождающаяся нация, недочеловеки, лишенные каких бы то ни было способностей и непригодные ни на что, кроме повиновения.

...Когда Берестов отвечал на поставленные в анкете вопросы, то невольно вспоминал различные эпизоды из жизни с родителями, те, которые ярче всего врезались в память, хотя, быть может, в них ничего особенного не было. Об этом, конечно, не имело смысла сообщать фашистам, хотя сами по себе приходившие на память события ничего предосудительного и тем более компрометирующего не содержали в себе.

Берестов вспоминал годы ученичества, школьных друзей, о том, как стал приобщаться к труду, о своих первых самостоятельных шагах по жизни, о старших товарищах, которые были для него примером.

Ему врезалось в память, как однажды он познакомился с летчиком Владимиром Федоровым, которому поручили испытывать первый планер с жидкостным ракетным двигателем, сконструированным Сергеем Королевым, как он обрадовался этому знакомству.

Конечно, тогда Берестов не мог знать, что этот человек станет известным советским ученым и конструктором в области ракетостроения и космонавтики, академиком, дважды Героем Социалистического Труда, что под его руководством будут созданы баллистические и геофизические ракеты, первые искусственные спутники Земли и космические корабли "Восток" и "Восход", на которых впервые в истории человечества совершаются космические полеты людей.

Но Берестову уже довелось быть свидетелем успешного применения против врагов легендарных "Катюш" с использованием реактивных снарядов. У немцев таких установок на машинах не было, и они боялись их, как чумы.

А Федоров оказался простым и веселым парнем с голубыми как небо глазами. Он работал инструктором в Московской областной планерной школе. Его считали мастером безмоторного летания. И по праву: он "чувствовал" машину, а это дается далеко не каждому. Как одного из лучших планеристов Федорова пригласили работать на большой авиационный завод в отдел специальных конструкций. Ему было поручено испытание системы подъема планеров в стратосферу. Об этих необыкновенных испытаниях писали газеты и журналы.

Потом отдел специальных конструкций слился с особым конструкторским бюро, занимавшимся вопросами высотных полетов. Тогда-то в новое ОКБ приехали ракетчики из института, где работал отец Берестова, и предложили подготовить планер к полету с двигателем. Совершить этот полет и поручили бывшему инструктору планерной школы, специалисту по высотным полетам Владимиру Федорову.

Он удивился:

- Для таких дел есть самолеты.
- Это необычный двигатель. Ракетный, - сказали специалисты.
- Для начала его нужно испытать на легкой машине. Он будет работать на жидким топливе.

До этого такие двигатели ставились только на небольшие ракеты, предназначенные в основном для исследовательских целей. А здесь речь шла о полете человека. По тем временам это уже пахло фантастикой.

Берестову довелось увидеть этот планер на аэродроме, куда он был привезен из ракетного института в разобранном виде. На его центроплане была выбрана обшивка и поставлены туда баллоны со сжатым воздухом, который предназначался для выдавливания компонентов топлива в камеру сгорания двигателя. Потом все оборудование было затянуто перкалем, а перкаль закрашен эмалитом. Сзади летчика, на месте второго сиденья находились баки для азотной кислоты и бензина.

Планер забуксировали в небо с помощью Р-5, который использовался как разведчик и легкий бомбардировщик.

Жидкостной ракетный двигатель было решено запустить на высоте три тысячи метров, чтобы в случае аварийной ситуации летчик-планерист успел принять меры.

Вечерело. На снегу виднелись синие тучи. Около ангары сбились в кучку люди - члены комиссии. Запрокинув головы, они наблюдали за полетом. Солнце не мешало им. Пилот начал запуск ЖРД. За хвостом ракетопланера показался серенький дымок - это воспламенилась шашка. Когда за планером потянулась оранжево-серая размытая струя газа, Берестов понял: заработали пусковые форсунки.

Вслед за этим из сопла вылетел клуб темно-оранжевого дыма, а потом показалась чистая струя огня, в виде тупого конька длиной около полутора метров. На конце чуть вихрилась легкая светло-серая струйка дыма.

Как только в работу включился ЖРД, скорость планера стала быстро увеличиваться. Машина словно растворилась в золотисто-голубом небе. Наблюдатели ждали пять минут, десять... И наконец увидели ракетоплан Федорова. От сердца у всех отлегло, теперь только бы благополучно сел.

И вот уже планер заскользил по земле. Все сорвались со своих мест, побежали. Берестов тоже побежал. А Федоров вылез из кабины улыбающийся и пошел навстречу людям. Его окружили тесным кольцом. Стали спрашивать, какое у него впечатление о полете с ракетным двигателем.

С тех пор прошло много времени, а Берестову казалось, что это было вчера. Ясное морозное утро, поскрипывающий под ногами снег у людей, задравших кверху головы. А в голубом прозрачном небе летит ракетопланер. Советские ученые, как и Циолковский, думали об освоении стратосферы, о полетах человека в космос и делали первые шаги на пути к этому.

А фашисты уже тогда решили использовать ракетные двигатели для транспортировки взрывчатки, а космическое пространство превратить в арену борьбы за мировое господство.

В числе помощников главного экспериментатора, которых там называли ассистентами, были и узники лагеря смерти: французы, поляки, чехи. В основном это были сломленные,

овхаченные ужасом люди, считавшие, что "лучше быть живым трусом, чем мертвым героем", потерявшие веру в добро и справедливость, замкнувшись в себе, погрузившиеся в душевную прострацию.

Своего шефа Бухвальда они звали "профессором", безропотно выполняли каждое его приказание. Животный страх овладел ими целиком, заставил забыть их о чести, о человеческом достоинстве.

Среди таких людей внимание Берестова привлек англичанин Френк Менсон, работавший лаборантом.

Менсон был химиком и большей частью занимался по указке Бухвальда лабораторными исследованиями крови, мочи, желудочного содержимого, кала, мокроты, всевозможных налетов, взятых у людей, над которыми велись медицинские эксперименты. Вел он и микроскопические исследования мозга узников разных национальностей, отыскивая особенности в их строении.

Человек это был неразговорчивый и вел затворнический образ жизни, если только "образом жизни" вообще можно было назвать существование узников под землей. Его длинная мосластая спина изгибалась дугой, когда он прижал глазом к окуляру микроскопа. А так как в этом положении ему приходилось находиться по многу часов подряд, то он и ходил, както согнувшись, и был похож на большой вопросительный знак. Полосатая куртка болталась на нем как на вешалке.

У Менсона было несколько удлиненное бледное лицо, на котором кости проступали буграми. Его череп тоже состоял из бугров, поросших редкой светлой растительностью, уже изрядно поседевшей. Красные воспаленные глаза Менсона постоянно слезились, и он то и дело вытикал их большой тряпицей неопределенного цвета, с которой никогда не расставался. Менсона одолевали приступы головной боли, возникшие вследствие контузии, которую он перенес при бомбежке военного химического завода, на котором ему довелось поработать. И Менсон должен был скрывать эти мучительные приступы. Он опасался, как бы Бухвальд не отправил его к праотцам, потому что этого изуввера интересовали всяческие аномалии в мозге людей, и он ежедневно отправлял туда де-

сятки узников, вводя им в вены бензин, после чего мозг умерщвленных попадал на стол Менсону. Берестов догадался о страданиях Менсона по тому, как тот время от времени, морщась от боли, тер кулаком лоб или виски. Менсон старался уединиться, замереть, не глядел на свет. Каждое движение ему давалось с трудом и, казалось, он вот-вот потеряет сознание. А однажды Менсона даже вырвало.

- У моей матери тоже часто болела голова, после того как отец погиб в Испании, - сказал Берестов Менсону, во время одного из экспериментов, связанных с введением в вены летчику какого-то вещества, снижавшего температурную чувствительность. - В таких случаях она ставила горчичники на шею и к икроножным мышцам - ей это помогало. И еще она спасалась тем, что тугу завязывала голову. А потом один старик научил ее специальным дыхательным упражнениям, расширяющим кровеносные сосуды мозга. Попробуйте и вы - я их запомнил и могу показать.

- Покажите.

Спустя некоторое время Менсон поблагодарил Берестова за внимание.

- Я ваш должник.

- Помогло, значит. Вот и отлично, - искренне обрадовался Берестов. - А о долгे говорить не будем. Помогать друг дружке в беде - это и есть наш долг, не правда ли?

- Возможно, - пожал костиштыми плечами Менсон. Он не хотел говорить на эту тему, не хотел осложнять свою жизнь. На вопросы Берестова он всегда отвечал односложно и без особого желания, а летчику вопросов совсем не задавал.

- Давайте не нарушать статус-кво, - как-то сказал он Берестову. - В нашем положении это будет благоразумно.

- Вы уверены, что вам удастся выжить, если вы будете стоять на задних лапках перед ними - спросил Берестов.

- Я не хотел бы дискуссировать на эту тему. Это частное дело каждого из нас.

- Не потому ли все так и произошло, что слишком много людей на земле хотели остаться в стороне.

Англичанин ничего не ответил.

Он отвертывался от того, что происходило у него на глазах. "Меня это не касается", - говорил он всем своим видом. Но постепенно холодок отчуждения таял, и между Берестовым и Менсоном установились добрые отношения. Менсон оказывал Берестову знаки внимания и, как мог, пытался облегчить его участь. Если Бухвальда не было рядом, освобождал летчика от особо тяжких экспериментов. Случалось, подкармливал его из своих скучных запасов провианта, который ему иногда поступал из эсэсовской столовой для анализов.

А позже, уже после того как узники подземелья оказались отрезанными от мира, Менсон рассказал Берестову о своей "жизненной параболе", закончившейся тем, что он оказался изгнем.

Хотя Менсон был и не стар, но уже испытал превратности судьбы. Сын священника, он еще в юности порвал с церковью, так как разуверился в боге. Всевышний, по его мнению, не смог бы допустить того, что происходило в мире.

Войну Менсон не признавал. Он даже намеревался вступить в Международную лигу пацифистов и выписывал издания этой лиги, но быстро разочаровался в ней, так как эта лига тоже вела борьбу со своими противниками. Политика Менсона не интересовала.

Он мечтал о душевном комфорте, о спокойствии для себя, держался подальше от всяких движений, которые бы могли нарушить его статус-кво.

Поиски "замкнутого круга" привели Менсона, только что завершившего свое образование и ставшего специалистом-химиком, в союз вне партий, вне политики, вне религий - в сообщество "вольных каменщиков", или масонов, где он надеялся достигнуть нравственного совершенствования на основе братской любви, а также выбиться в люди. Тут ему, правда, снова пришлось столкнуться с Богом и признать его. Но масонский бог существенно отличался от бога католического или православного, ему могли поклоняться и мусульмане и иудеи. Он был похож на флюгер, который поворачивался на 360 градусов и мог служить даже тем, кто занимался алхимией, каббалой и теософией. Ему можно было и не поклоняться.

Влиятельные масоны помогли Менсону заключить выгодный для себя контракт с зарубежной фирмой, которая находилась в Германии, где он тоже связался с масонами.

Начав войну с англичанами, немцы предложили Менсону работу, которая в конечном итоге вела к ослаблению Англии. Движимый патриотическими чувствами, он отказался от этой работы, и тогда его отправили в концлагерь, узники которого работали на химическом заводе по выпуску боевых газов.

Вскоре начальству стало известно, что Менсон принадлежит к тайному обществу масонов, с которыми Гитлер вел борьбу и даже учредил антимасонский музей в Нюрнберге. От неминуемой смерти Менсона спас доктор Бухвальд, взяв его к себе в лабораторию одним из ассистентов.

К лицам, которые подвергались испытаниям, Менсон относился сочувственно, хотя и проявлял при этом свойственную ему сдержанность.

И был еще один человек среди ассистентов Бухвальда, с кем Берестов пытался войти в контакт, - это Шульц Брок, низкорослый, плюгавенький человечишко с лицом, похожим на печеное яблоко. Никогда прежде Берестову не приходилось видеть таких морщинистых лиц. На нем даже нелегко было отыскать маленькие, словно щелочки, глаза, носик, похожий на пуговицу от кальсон, и тонкую прорезь рта. Этот был болтлив, как сорока, и тем самым мог оказаться полезным. Он ввел Берестова в курс всех дел, которые совершались в лаборатории Бухвальда.

Шульц был чем-то удивительно похож на Шманкова, нет, не внешностью, а чем-то другим. Чем же? Может быть, своими взглядами на жизнь? - думал Берестов. - Но разве у них есть взгляды. Они, как слепые котята, тыкаются мордами туда, куда их направят. Они орудие других.

От Шульца Брука, который, как оказалось, был знаком с Бухвальдом уже много лет по совместной работе в различных поликлиниках Германии, Берестов узнал, что "профессор" имеет уже немалый опыт работы с живым материалом. Быть постоянным свидетелем и участником проводимых Бухвальдом экспериментов было, конечно, нелегко. Несколько раз Брок уходил от Бухвальда, пытаясь начать самостоятельную

жизнь, но потом "оступался", прельщаясь чужим добром, и оказывался за решеткой. И Бухвальд всякий раз вызволял его из тюрьмы, требуя взамен неукоснительного послушания. И Броку ничего другого не оставалось. Он давно уже отказался от мысли выбиться в люди и стал слепым орудием чужой власти. А если у него когда-либо появлялись какие-то свободолюбивые мысли, то он поскорее глушил их спиртом, который при большой изворотливости можно было раздобыть в лаборатории Бухвальда.

Брок был ленив, и если Бухвальда рядом не оказывалось, "проводничал" его задания в ускоренном темпе, чтобы иметь время на другое.

Занимаясь с Берестовым, Брок рассказывал, что он еще в августе сорок второго ездил с "профессором" в лагерь Даахау, где тоже проводились особые эксперименты. Там, например, ставились опыты по определению условий жизни на больших высотах, где воздух разрежен. Заключенных помещали в барокамеры и выкачивали оттуда воздух. Экспериментаторы хотели узнать, сколько времени человек может существовать в подобных условиях.

Бухвальд начал тоже с подобных экспериментов. По его распоряжению военнопленных помещали в специальные декомпрессионные камеры и исследовали влияние разряжения на человека, которое может возникнуть в высоких слоях атмосферы при неисправности оборудования ракетного снаряда и снаряжения летчика, подвергали людей воздействию высокого давления до тех пор, пока у них не останавливалось дыхание, замораживали, подвергали воздействию газов и дымов, выясняли, как долго и каким образом человек может прожить без воды или на одной соленой воде, в подвешенном (вниз головой) состоянии, заражали гангреной и другими опасными болезнями.

Долго выдержать такие эксперименты было невозможно. В этом Берестов убедился довольно скоро на своем "опыте". Однажды его раздели до нага и велели лечь в ванну, выдолбленную в камне, пристегнули ремнями голову, туловище, руки и ноги, потом туда пустили воду из кранов. Вода сначала была не очень холодной, терпимой, но уже скоро Шульц Брок

перекрыл один из кранов и в ванну пошла только холодная, как лед, вода. У Берестова зашлось дыхание. Он вспомнил рассказ Брока о том, что в Дахау людей тоже погружали в холодную воду и оставляли в ней до тех пор, пока температура тела не снижалась до 28° по Цельсию. Обычно за этим следовала смерть.

Берестов понял, что пришел его конец...

Находившийся здесь же Бухвальд следил за датчиками, которые показывали, как у Берестова работали сердце и легкие, сжимал его руки и ноги специальными щипцами, колол их иголками, чтобы определить чувствительность организма при различной температуре. Одновременно с этим у Берестова проверялась острота зрения и слуха.

Бухвальд все делал молча, бесшумно, и ассистенты понимали каждое его движение, каждый взгляд. Лишь однажды Шульц Брок ошибся и выполнил приказание не так, как требовалось. И тогда Бухвальд позволил себе заметить ассистенту:

- Еще раз повторится то же, и я поменяю вас местами, - кивнул головой на Берестова. Как всегда, он говорил сухим бесстрастным голосом, подвижной у него была только нижняя половина лица.

Летчик потерял сознание. Очнулся уже на обычном войлочном лежаке, в отдельной камере. И увиденное показалось ему каким-то кошмарным наваждением. Может, такие сны мерещатся сумасшедшим? Ему даже хотелось ущипнуть себя, как это делали книжные герои в старинных романах. Рядом с ним, с одной и другой стороны, лежали две обнаженные женщины. Они отогревали его теплом своих молодых тел. Он хотел подняться, но не было сил.

- Что они делают со мной, - проговорил он, до крови кусая губы. Из глаз у него брызнули слезы, и он не стеснялся этих слез.

- Кто вы? Зачем вы тут? - спросил он у женщин, которые еще теснее прижались к нему, как только он очнулся.

Они не понимали русского языка. И только твердили:

- Комрат, гут, комрат, гут!

Они торопливо ласкали почти бездыханное тело Берестова. И по тому, как это делалось, можно было понять, что они

выполняют чей-то приказ, подчинялись чьей-то злой воле. Впрочем, Берестову не нужно было долго гадать, чтобы понять, почему они так себя вели.

Несколько позже Брок рассказал Берестову, что за ними в это время вел наблюдение сам Бухвальд, для чего в стене камеры имелась специальная щель. Он смотрел, как летчик реагирует на все это, возбуждается ли его нервная система должным образом.

Берестов узнал от Брока, что этими несчастными женщинами были немки София Лунц и Магдалина Кленк. Они были арестованы и отправлены в лагерь только за то, что их мужья – офицеры вермахта, сдались в плен. По имперским законам (на основании директивы фюрера) военнослужащие заочно были приговорены к расстрелу за измену. Их имущество было конфисковано, а дети отправлены в специальный интернат. Женщинам обещали свободу, если они станут беспрекословно выполнять все приказания "профессора". И они старались. В их же обязанности входила уборка помещений в лаборатории и апартаментах врача-эсэсовца.

Экспериментам Бухвальда не было конца. Он хотел низвести своих подопытных – бывших летчиков, до состояния полного психологического небытия, превратить их в животных или рабов, молчаливо и покорно повинующихся приказаниям, добиться от человека "дочеловеческой" жестокости. Здесь ставка была сделана на то, чтобы эти люди, превращенные в живых и злых роботов, могли в любое время сесть в ракетные снаряды и обрушить смертоносный груз на любую цель.

Многие не выдерживали, кончали жизнь самоубийством.

... "Я прошел через адские муки, - писал Берестов, - и знал, что впереди меня ожидают еще более тяжкие испытания. Я боялся только одного – сойти с ума и таким образом потерять контроль над собой, над своей волей, над своим духом. Я все время думал над тем, как лучше всего противостоять чужой воле, чужому желанию, не дать фашистам ни одного козыря. Я тоже как бы экспериментировал, экспериментировал над самим собой, я искал пути и способы, которые бы позволили мне не поддаться чужому влиянию. В немалой степени здесь мне помогали мои экскурсы в прошлое. Я жил воспоминания-

ми. Я вспоминал дедушку Семена, отца, мать, брата Колю, вспоминал друзей по аэроклубу, по летной школе, по авиационному полку и партизанскому отряду, друзей по движению Сопротивления в концлагерях. Я научился вызывать их образы перед своим мысленным взором в любое время, даже тогда, когда меня сажали в барокамеру или крутили в центрифуге, опускали в холодную или горячую воду, я научился мысленно разговаривать с ними".

Труднее всего ему было, когда Бухвалд заставлял летчика глотать таблетки, делал ему уколы, которые действовали на центральную нервную систему, на мозг. Но и в этом случае Берестову удавалось пересиливать дурман и наваждения.

В один из дней я получил сразу два письма. Одно – от бывшего боевого товарища Берестова - полковника Високоса с вложенным в конверт приглашением на торжественный вечер по случаю очередной годовщины авиационного полка, где служил Берестов, второе письмо было из дружественной нам демократической республики, от проводника Мора Олаха, который помог разведчикам во время военного учения выйти в тыл "противника" через пещеры.

По моей просьбе Мор Олах навел справки о находившихся во время войны концлагерях около гор и еще раз подтвердил, что в бывшей запретной зоне находился небольшой заводишко, а точнее - мастерские по производству осветительных бомб. В мастерских работали узники концлагеря, который располагался неподалеку. Но, конечно, не исключалось, что мастерские существовали, что называется, для отвода глаз. Это мнение Мора Олаха разделили и некоторые из местных жителей, наблюдавшие по ночам движение огромных крытых машин в направлении мастерских. Для перевозки небольших осветительных бомб вряд ли стали бы применять такие грузовики при той острой нехватке транспорта, которую испытывали немцы в конце войны.

Фашисты были мастерами отвлекающих маневров. Когда вблизи Растенбурга в непроходимых дебрях вековечных лесов среди Мазурских болот строилась заключенными кон-

цлагерей гитлеровская ставка Вольфшанце - "Волчье логово", местным жителям говорили, что там будет фабрика по производству мыла. Чтобы тайное не стало явным, всех строителей впоследствии расстреляли и сожгли в печах крематориев, а их пепел пошел на удобрение полей. Никто из посторонних ничего не мог узнать о "Волчьем логове" и позже, потому что его окружали многочисленные ряды колючей проволоки под электрическим током высокого напряжения, тайные и явные заставы и шлагбаумы на единственной бетонной дороге, соединявшей ставку со всем миром.

Теперь о "Волчьем логове" бесноватого фюрера можно прочесть чуть ли не в каждой книге о фашистской Германии.

Мне довелось познакомиться с описанием местности, где оно располагалось, и я представил на мгновение и хитроумные проволочные заграждения, и эсэсовские бараки и офицерские казино, гаражи для бронемашин и танков, и мертвое пространство земли - "третья сфера безопасности", усеянное скрытыми минами, просматриваемое бдительным окном эсэсовцев и простреливаемое снайперами из пулеметов, бесчисленные контрольные посты со сложной системой пропусков (они менялись каждый час) и со специалистами, которые обладали невероятной зрительной памятью и держали в голове десятки тысяч лиц, которые когда-либо появлялись в ставке. Потом шла "вторая сфера безопасности", с бетонными дотами и дзотами вокруг, ощетинившимися пулеметами и пушками.

В сфере безопасности номер один находился бункер Гитлера с перекрытием из железобетона толщиной восемь метров.

Берестов рассказывал в своих записках о том, как однажды, придя в себя после опыта в барокамере с пониженным давлением, он услышал разговор Клопса с Куртом.

- Мы друзья с детства и благодаря тебе я кое-чего достиг, - говорил генерал барону. - Я не забываю услуг и хочу предложить тебе одну идею, которой и советую воспользоваться не-

замедлительно. Ты ничего не теряешь, а приобрести можешь многое.

- Я готов выслушать тебя, старина.

- Ты имеешь дело с авиационной техникой, - продолжал Клопс. - И тебе ничего не мешает поставить в разных местах где-либо в горах несколько легких самолетов, готовых в любую минуту покинуть пределы нашего, увы, истекающего кровью Фатерлянда. Необходимость в этом может наступить быстрее, чем мы думаем. Чтобы самолетов не обнаружили раньше времени, я готов выделить верную охрану из числа снайперов-автоматчиков. Они будут находиться на подступах к тайным тропам и никого не подпустят к площадкам. Позабочусь я и о соответствующем снаряжении, партикулярной одежде, о запасе продовольствия, о том, куда лететь, - на этот раз в голосе Клопса не было слышно оптимистических ноток.

- Мы еще потребуемся, старина.

Курт фон Бауэр поблагодарил друга за заботу и сказал, что подумает над его предложением. Воспользовался ли генеральный директор подземного завода этим советом Клопса, Берестову было неизвестно.

А спустя недели две, в феврале 1945 года, в подземный концлагерь неожиданно-негаданно нагрянул начальник гестапо Мюллер. Группенфюрер СС собрал в кабинете коменданта лагеря экстренное совещание, на которое кроме чинов СС были приглашены руководители подземного завода.

Мюллер передал приказ рейхсминистра Гиммлера взорвать подземный завод и концентрационный лагерь.

Первоначально на случай отступления немецкой армии планировалось загнать заключенных в штоллю, заделать кирпичной кладкой вход и взорвать всех внутри этой штолли. Приказы подобного рода уже были даны коменданту концентрационного лагеря Маутхаузен и другим начальникам лагерей. Но расчеты показали, что взрыв большой силы мог бы сметь породы над пещерами, и тем самым было бы раскрыто местоположение сверхсекретного завода. Затопление штолли водой потребовало бы очень много времени. Узники

могли разобрать кладку и заделать подводящие рукава и попытаться спастись через пещеры.

Оставалось одно средство - расстрелять заключенных. Так как времени до прихода русских было крайне мало, Мюллер приказал немедленно начать вывод из лагеря и подземного завода всех заключенных и аннулирование их. Нужно было позаботиться, чтобы ни один узник не остался в живых и не стал свидетелем того, что там происходило.

Было приказано уничтожить все лагерные документы. Документы по изготовлению сверхсекретного оружия надлежало запаять в металлические контейнеры упрятать в специальные колодцы. Они могли еще пригодиться...

Через несколько часов к заводу должен был подойти транспорт с секретными архивными документами рейха и СС. Их тоже нужно было спрятать в штоллини, отметить на плане завода места, где эти документы находятся, и срочно переслать этот план лично Гиммлеру или обергруппенфюреру дру Кальтенбруннеру.

После завершения этих работ нужно было тотчас же открыть шлюзы и затопить водой все подземные помещения.

Выходы в завод приказывалось взорвать и сровнять с землей, чтобы ничто не говорило о том, что в ее недрах находилось военное предприятие особой важности.

На эту работу отводилось двое суток, после чего вся территория должна была подвергнуться бомбардировке с воздуха. Для этого были подготовлены трофейные американские самолеты. Таким образом фашисты надеялись сбить с толку местное население и партизан, обитающих в окрестных лесах, создать впечатление, будто о мастерских по производству осветительных бомб, которые были построены одновременно с заводом на поверхности, для отвода глаз, стало известно противнику и вслед за этим последовал массированный налет, в результате которого они были разрушены. Для большей убедительности сразу же после налета на место бомбежки нужно было доставить разорванные снарядами трупы. Исходя из этих высших соображений, следовало в конечном итоге уничтожить и охрану лагеря, и тех, кто на нем

работал в качестве надзирателей, мастеров, техников и инженеров.

Мюллер ознакомил присутствовавших со списком, в который были включены фамилии людей, на коих не распространялся приказ Гиммлера. В этом списке насчитывались немногим более двух десятков фамилий.

Генеральный директор подземного завода Курт Бауэр знал, что рано или поздно, а это должно было произойти, хотя немецкое радио и продолжало вещать на весь мир о скорой победе Германии над русскими. Первые признаки приближавшегося конца он уловил несколько месяцев назад, когда его и других руководителей завода вызвали в СД и предложили каждому "обзавестись" у дантиста зубной коронкой с цианистым калием. Ее нужно было всегда иметь при себе и надевать на зуб, выходя с территории лагеря, чтобы в любую минуту можно было "обезопасить себя" от врагов, унести в могилу секреты подземного завода. Для этого достаточно было чуть перекосить челюсть, надавить на коронку с некоторым усилием. Смерть наступала через тридцать секунд. Когда Курт фон Бауэр надевал коронку, он боялся закрывать рот, чтобы случайно не раздавить капсулу. В конечном итоге это привело к тому, что он совсем не стал отлучаться с завода.

Берестов писал, что обо всем этом он узнал гораздо позже, но приводил этот рассказ в данном месте записок, чтобы сублюсти хотя бы какую-то последовательность изложения.

Сразу же после совещания ответственные работники завода разошлись по рабочим местам, чтобы приступить к выполнению приказа Гиммлера.

Курт фон Бауэр и Клопс обошли все предприятие, нанося на сверхсекретном плане точки, где нужно было проделать штольни для секретных документов рейха и СС, а также секретных документов завода.

И вот уже заработали отбойные молотки и электросверла. А спустя несколько часов к заводу подъехали несколько бронемашин. Каждую из них сопровождал отряд мотоциклистов, вооруженных пулеметами и автоматами.

Переноска железных ящиков с секретными документами, слитками золота и другими драгоценностями заняла несколько часов. Эту работу выполняли заключенные подземного лагеря. Когда последний ящик был уложен саперами СС на место, в колодцы пустили по подведенным рукавам воду, а заключенных, которые использовались на переноске грузов, тут же расстреляли.

Хитрый умысел фашистов меня не удивил. Заметая следы своих преступлений, они всегда прятали улики под землю. В замках и рудниках Гарца были обнаружены около пятисот тонн архивов германского министерства иностранных дел. В пещере близ Халлайна отыскался архив Гиммлера, а в потайном хранилище одного из замков в Баварии - архив главного нацистского "идеолога" Розенберга. Многие из найденных и захваченных документов стали достоянием гласности, фигурировали на процессе в Нюрнберге. Они помогли разоблачить главарей нацистского рейха. Немало документов, в которых рассказывается о подготовке и развязывании агрессивных войн главарями нацистской Германии, о преступлениях СС, по сей день еще находятся в потайных хранилищах, в труднодоступных районах Германии и других стран, на дне водоемов, в старых каменоломнях и шахтах, в горных ущельях. Можно предположить, что и документы, спрятанные в штолнях подземного завода, хранят страшные тайны нацистского режима и могли бы послужить делу разоблачения злодеяний фашистского рейха и его преступных организаций.

Тут я мог бы сослаться и на письма Мора Олаха о том, как в конце Великой Отечественной войны перед вступлением русских на территорию страны, где находились пещеры, на мастерские был совершен воздушный налет американских "крепостей", в результате которого все постройки были разрушены, а земля вокруг превращена в сплошное месиво.

"Выполняя вашу просьбу, я стал искать свидетелей событий тех лет, рыться в архивных документах и наткнулся на любопытные сведения. Мне стало известно, что заключенных, работавших в так называемых вспомогательных командах, которым поручались тушение пожаров и вывоз матери-

ального имущества из мастерских, не расстреляли, а перебросили в другие лагеря, причем во время транспортировки некоторым из "команд смертников" удалось убежать. Погони за ними не было организовано.

Все это наводит на мысль, что нацисты специально допустили "утечку информации", в надежде, что беглецы передадут сведения о секретном объекте врагу. А что они могли передать? Только то, что им удалось увидеть. А увидели они немного: разрушенные бараки, установленные в них станки для обработки металла, часть готовой продукции: корпуса маленьких осветительных бомб, парашюты для них, вот, пожалуй, и все. Заключенные видели, что в результате бомбардировки все превратилось в руины, даже подъездные пути были полностью уничтожены, так что если бы и удалось что-то спасти из оборудования, то вывести это из зоны было невозможно. Вся площадь полигона напоминала лунный ландшафт, только вместо кратеров там и тут зияли воронки и черные остовы обугленных деревьев".

Мор Олах писал далее, что о найденных в пещере записках Берестова он рассказал местным охотникам и следопытам и просил их быть более внимательными в горах, приглядываясь к тому, что их окружает. Он выражал надежду, что в конце концов "нить Ариадны будет найдена и тогда человечество узнает еще одну тайну фашистов". В свою очередь Мор Олах просил меня сообщить о том, как продвигается работа над восстановлением записок русского летчика, нет ли в них каких-то деталей, которые бы могли пролить свет на поиски входа в подземный завод гитлеровцев.

В тот же день я показал оба письма редактору газеты.

- Надо ехать, - сказал он. - Возьмите с собой номера газет, в которых мы опубликовали часть записок Берестова. Это будет наш отчет авиаторам о том, как газета пропагандирует боевые подвиги. Напечатанные нами материалы летчики могут приобщить в виде дополнения к истории своего полка и боевой работе однополчан. А мы, в свою очередь, об этом расскажем нашим читателям. Кроме того, находясь у летчиков, вы сберете материал для газеты о том, как сейчас сте-

регут наше мирное небо авиаторы полка, в котором служил Берестов.

Одновременно с захоронением секретных документов и драгоценностей, рассказывалось далее в записках Берестова, шла эвакуация заключенных. Многие из них не видели дневного света в течение нескольких месяцев. Теперь они стонали от резких болей в глазах, некоторые упали без чувств, наглотавшись свежего воздуха.

Узников сажали на автомашины и увозили подальше от завода в специально отведенную для этого зону, чтобы расстрелять и сжечь в заранее выкопанных рвах.

Только к вечеру работы по эвакуации были приостановлены, так как немцы боялись, что в темноте узники разбегутся.

Даже в этой невероятно осложненной обстановке доктор Бухвальд не бросал своих мерзопакостных исследований. Он хотел выжить из подопытных узников все, что только можно было выжить.

Когда генерал Клопс заметил ему, что дальнейшая работа над людьми сейчас бесполезна, что нужно немедленно свернуть свою деятельность, доктор сказал:

- Я это сделаю, как только прозвенит последний звонок.
- Но ведь полученные при опытах данные все равно не представляется возможным использовать сегодня, - сказал генерал.
- То, что нельзя использовать сегодня, пригодится завтра, - ответил Бухвальд. - Или послезавтра. Или через год, а может быть, даже через десять лет. Но рано или поздно, а мы добьемся своего. И мы должны к этому стремиться всеми своими силами, чтобы наши данные послужили четвертому рейху.

Бухвальд верил в возрождение Великой Германии и надеялся на то, что ему удастся продолжить работу даже после капитуляции и заключения перемирия.

Под землей находились несколько немок. Они работали в бункере, где жили офицеры, готовили пищу, когда дела не позволяли офицерам подняться наверх, убирали их постели и, случалось, оказывались в них вместе с офицерами.

Женщины были доставлены сюда из главного управления РСХА по деятельности СД вне Германии с приказом, в котором сообщалось, что это агенты отдела, что им "ввиду их специальной подготовки известны очень важные секретные сведения". Женщин уже не представлялось возможным использовать по назначению. И нельзя было допускать, чтобы они попали в руки противника, и при приближении врага их тоже надлежало расстрелять.

Узники видели: одна из немок по имени Берта нравилась директору завода. Своими внешними данными она напомнила Берестову статую, находившуюся в замке Баузров возле пруда. Это могло говорить о неизменности вкуса Курта фон Бауэра, о его желании как бы воскресить свою привязанность или любовь к той женщине, которую лишили жизни узники концлагеря за ее издевательства над ними.

Эта Берта (даже имя ее совпало с именем его уничтоженной жены), как видно, старалась привнести какой-то уют в апартаменты директора, была по-своему женственна. Он привык к ее заботам и ласкам. И если ее не было рядом, чувствовал себя одиноко. Только ей одной, пожалуй, и удавалось вызывать улыбку на узком нордическом лице барона. Он не хотел, чтобы Берта была расстреляна, хотя и знал, что избежать этого ей будет невозможно. Жорж Руа слышал, как однажды незадолго до приезда в лагерь группенфюрера СС Мюллера Курт фон Бауэр осторожно заговорил о своем желании спасти Берту со своим тестем доктором Бухвальдом, но тот на это заметил с презрением:

- Если бы это говорил мне не муж моей умершей за Германию дочери, чья память должна охраняться свято нами, оставшимися в живых, я бы без сожаления снял с него кожу и сделал себе абажур.

- Попрошу вас не забываться, - ответил на это генеральный директор. - Пока вы еще работаете у меня, на моем заводе.

- Я работаю на заводе, который выпускает оружие для Германии, - ответил Бухвальд. - И об этом никогда не забуду. Вам же, господин директор, мне хотелось бы напомнить сло-

ва нашего фюрера, произнесенные в Ставке Верховного командования: "Жестокость. Беспощадная и холодная. Злопамятная. Карающая и подчиненных, и начальников, не взирающая на чины и заслуги перед национал-социалистским движением, рейхом и фюрером, - вот что оградит тайну готовящегося возмездия. Наше новое оружие огненным смерчем Германии и повернет ход войны в нашу пользу".

И Курт фон Бауэр вынужден был проглотить эти слова. Уж кто-кто, а он-то хорошо знал: если его заподозрят в чем-то, что противоречит законам Германии, то вышвырнут с завода, даже не посмотрят, что он чистокровный ариец, выходец из аристократического рода, крупный промышленник, кующий оружие для своего Фатерлянда.

И все-таки он, как видно, не переставал думать о Берте, о ее участии.

И вот час ее смерти приблизился. Нет, Курт не хотел, чтобы она умерла, как умрут все, кто еще остался там, под землей. Как знать, может быть, она была единственным в жизни по-настоящему близким ему человеком. Всю ночь он не спал, думал, что предпринять, чтобы спасти Берту. И он решил: с рассветом, когда возобновятся работы, проникнуть в подземные чертоги через запасной вход, известный только самим приближенным, чтобы вызволить Берту и изъять некоторые бумаги, компрометирующие его деятельность.

Удалось ли директору подземного завода и его пассии выбраться наружу, Берестов не сообщил. На земле в это время в нескольких километрах от лагеря завязался жестокий бой с партизанами, и саперы СС взорвали входы в подземные чертоги. Нельзя исключать и того, что барон воспользовался предложением Клопса и улизнул из поверженной Германии.

Когда мне наконец удалось с помощью реставраторов восстановить выцветшее начало записок Берестова, то вот что я прочитал:

"...Три глухих взрыва с интервалами в несколько секунд потрясли толстые стены нашего подземного обиталища, словно там, наверху, неожиданно разразилась неимоверной силы гроза. Тугая волна воздуха бросила меня с деревянного ле-

жака, и тотчас же все погрузилось в кромешную тьму. Я не знаю, сколько находился без сознания: минуту, час, сутки, а может быть, целую вечность.

Когда очнулся, услышал стон моего напарника Жоржа Руа. Может быть, это и вывело меня из тяжелого забытья.

Черепную коробку немилосердно сжимало каким-то железным обручем, стучало в висках.

Я встал на колени, но подняться на ноги не мог - не хватало сил, пополз по холодным каменным плитам в том направлении, где был Жорж, натыкаясь в темноте на какие-то предметы... Я не думал тогда, что произошло после взрывов, не пытался восстановить в памяти предшествующие им минуты. Моим единственным желанием было - попытаться облегчить страдания Руа. И я все шарил руками перед собой в надежде наткнуться на него.

- Это конец, - прошептал Жорж, когда я приложил ухо к его груди, чтобы услышать, как бьется сердце.

- Ну нет! Когито, эрго сум. Я мыслю, следовательно, существую, как сказал ваш соотечественник Декарт.

Я тогда не думал, что эта фраза французского философа, вычитанная мной некогда из словаря иностранных слов, за которую я ухватился, как утопающий за соломинку, будет для нас, заживо погребенных на годы под землей, единственным утешением..."

"...Не знаю, как сложится наша дальнейшая судьба, сумеем ли выбраться из этого каменного склепа, но не опустим руки, не сдадимся в плен подземному богу, как не сдались фашистам. Нас вдохновляет пример бойцов из отряда капитана Костицина..."

- Нужно узнать об этом капитане, - мелькнуло в моей голове. - Как можно быстрее.

И вот что выяснилось. В сорок первом бойцы Костицина больше недели дрались с врагом во вражеском тылу. Когда гитлеровцы замкнули кольцо, наши воины спустились в шахту, которая оказалась поблизости, и приготовились к обороне. Немцы взорвали шахтный ствол, и находившиеся там люди оказались замурованными. Выбраться из-под земли можно

было только разобрав породу. Это был каторжный труд, и не раз и не два голодные и смертельно уставшие бойцы в изнеможении падали на землю, но потом, вдохновляемые стойкостью своего командира, снова вставали, чтобы продолжить работу. Около трех неделькопали бойцы проход, многие умерли от истощения. Но те, кто выбрались, снова вступили в бой с врагом.

Несмотря на безысходность положения узников подземелья, мне хочется верить, что они еще живы и тоже выберутся, если не сами, то с помощью других. Ведь в жизни порой происходят такие удивительные случаи, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Взять хотя бы в свое время сильно взволновавший читательский мир документальный рассказ известного писателя Сергея Смирнова о бессменном часовом, напечатанный в "Огоньке". Автор поведал о произшествии совершенно невероятном, почти фантастическом. ... Это случилось не то в Бресте, не то в других старых русских крепостях Осовец или Ивангород (которые теперь находятся на польской земле) во время Первой мировой войны. Основываясь на определенных свидетельствах, писатель связал имевшиеся в его распоряжении факты с Брестской крепостью. Летом 1915 года немцы развернули наступление на Восточном фронте. Русская армия вынуждена была оставить Варшаву, Люблин и другие восточные районы Польши. В конце лета германские войска стали приближаться к городу и крепости Брест-Литовск. Самой крепости в то время уже не придавалось того военного значения, какое она имела раньше, но в ней, а также в ее фортах находились многочисленные армейские склады. Кое-что из них удалось вывезти, а то, что не удалось, было решено уничтожить с помощью взрывчатки.

Уничтожению подлежал и большой интендантский склад, который размещался в подземных казематах, расположенных вблизи одного из фортов крепости. В этом складе хранились продовольствие и солдатское обмундирование.

Но ведавший складом интендантский офицер убедил начальство в том, что взрывать склад нет необходимости. О

нем местному населению ничего не было известно, а поэтому достаточно будет взорвать вход в каземат, и никто не догадается о его существовании. Зато потом, когда русские войска снова войдут в Брест, можно будет воспользоваться всем тем, что имеется на складе. И вот саперы заложили динамит в том месте, где был вход; взрыв сровнял с землей все вокруг, и склад оказался погребенным.

Через несколько часов в город вошли немцы.

А спустя два года в России произошла Октябрьская революция, потом началась Гражданская война. Интендантский офицер оказался на стороне белогвардейцев. После разгрома Красной Армии внутренних врагов и интервентов интендант обосновался где-то за рубежом и влачил жалкое существование. Вот в это время он, видимо, и вспомнил о захороненном складе.

В 1924 году, то есть спустя десять лет, ему удалось приехать в Варшаву и заинтересовать Пилсудского и его генералов своим предложением - откопать склад.

К тому месту, где находилось это хранилище, была послана воинская команда. Солдаты пробили дыру в каменном своде подземного туннеля, и туда спустился с факелом один из младших офицеров.

И тут произошло самое невероятное. Едва унтер-офицер сделал несколько шагов по темному туннелю, как его остановил грозный окрик на русском языке: "Стой! Кто идет?".

Это был часовой. Он находился под землей целых девять лет, находился с тех самых пор, как его поставили на пост недолго до взрыва входа в склад, один на один с кромешной темнотой и сыростью, один на один с полчищами крыс, которые устраивали набеги на продовольственные припасы.

Часовой согласился покинуть свой пост только после того, как его сменят, и ему пришлось долго объяснять, что произошло на земле за все те годы, пока он находился в каменном склепе.

Его подняли наверх, и дневной свет навсегда ослепил привыкшего к темноте русского солдата.

Он рассказал о своей жизни под землей. Нужды в продуктах часовей не испытывал: на складе хранились сухари, кон-

сервы и другие самые разнообразные продукты. Не угрожала солдату и жажда, потому что форт находился на болотистом месте и грунтовые воды просачивались сквозь стены и в некоторых местах стояли лужи. Имелись на складе и махорка, и стеариновые свечи, и спички.

Солдат мог жить под землей долгое время.

Кто знает, может, нечто подобное произошло и с автором записок, которые нежданно-негаданно попали к нам в руки, - думал я. - И с теми людьми, фамилии которых были перечислены летчиком. Ведь настоящие, сильные духом люди в самых невероятных условиях находили мужество писать и хранить написанное...

Взять гитлеровский концлагерь Заксенсаузен, где томились тридцать тысяч узников. В его развалинах в январе 1959 года нашли тетрадь со стихами, в которых была запечатлена история борьбы советских людей в этом фашистском застенке.

История сохранила самодельный блокнот с предсмертными стихами Мусы Джалиля, написанными им на татарском языке латинским шрифтом в фашистских тюрьмах. Перед казнью поэт-солдат передал моабитскую тетрадь соседу по камере, бельгийскому партизану, участнику Сопротивления, а тот, спустя два года после войны, переспал их в советское посольство.

Какой же стойкостью и верой в правоту нашего дела, в победу над фашизмом нужно было обладать, чтобы не опустить руки, не сломиться в тех невероятно тяжелых условиях существования.

Читая написанное Берестовым, я вспомнил, что у моего отца был такой же мелкий и круглый почерк, как у Берестова, только менее уверенный и четкий. Отцу не хватало грамотности, но он был неунывшим человеком и тоже верил в добро и справедливость. До войны он работал трактористом в МТС, которая обслуживала несколько колхозов, и неделями не бывал дома. Скучая по отцу, я смотрел на фотокарточку, что висела над кроватью матери. На фотографии он выглядел очень молодо; из-под картизы выбились буйные кудри, улыбка

во все лицо. Так мог улыбаться только веселый, добрый, открытый человек. Да отец таким и был. Это можно было почувствовать и по рассказам матери, и по письмам, которые совсем недавно попали в мои руки.

Письма военных лет, проникнутые патриотическими мыслями и чувствами, готовностью сделать все для победы над врагом. Они были присланы с Дальнего Востока, где отец служил в годы войны. Он сетовал на судьбу за то, что вынужден бездействовать, когда его товарищи на фронте, за то, что все рапорты с просьбами отправить его драться с фашистами ему начальство возвращает.

Теперь по прошествии многих лет я, сын старшины срочной службы Терентия Исаева, основательно изучивший историю Великой Отечественной войны, мог только посочувствовать отцу, но ни в коей мере не стать на его сторону.

Если бы таких, как отец, были единицы, может быть, командование и вняло его многочисленным просьбам. Но оно не могло послать всех желающих на западный фронт, не могло оголить дальневосточные границы страны, возле которых тоже полыхало пламя войны.

Отец никак не думал, что ему тоже придется воевать, не знал, что на Крымской конференции в феврале 1944 года Советский Союз взял на себя обязательство вступить в войну против милитаристической Японии спустя два-три месяца после окончательного разгрома фашистской Германии, чтобы погасить последний очаг мировой войны.

Одно из писем отца было датировано восьмым августа 1945 года. В нем сообщалось о том, что дивизия, в которой он служил, готовится к боевым действиям.

"И я теперь смогу внести вклад в наше святое дело, - торопливо писал он на вырванном из ученической тетрадке листке. - Мы обязаны упредить угрозу нападения япошек на нашу Родину..."

После было еще два письма. В одном отец рассказывал о том, как, перевалив грозный Хинганский хребет, корпус, в котором он служил, гонит полки и дивизии квантунской армии, ее расчленении и уничтожении по частям.

"Японцы отравлены опиумом фанатизма и ярятся до ужаса. Но мы уже углубились в Маньчжурию почитай на 150-400 верст, - сообщал отец, - вышли к главным военным и промышленным оплотам. Теперь скоро придет конец страданиям всех народов, и на земле будет вечное замирение. И мы встретимся, чтоб никогда больше не разлучаться..."

Вот и военный летчик Макар Берестов тоже верил, что человечество никогда не даст снова вспыхнуть войне, - мелькнуло у меня в голове.

Последнее письмо от отца пришло после капитуляции Японии - из военного госпиталя. Оно было написано под диктовку медицинской сестры - отец, видно, чувствовал, что умрет. Он писал о том, какой замечательной будет жизнь на земле, каким должен вырасти его сын Валентин Терентьевич Исаев.

"Конечно, нынешняя война не поставит крест на проклятом империализме. Его корни сидят глубоко, значит, и впредь нужно стоять на страже Октября. Ежели мой сын пожелает выбрать себе профессию защитника наших рубежей, он поступит очень даже правильно. Мир нужно завоевывать, как это делаем мы. И нужно охранять, как это будут делать наши дети. Но кем бы ни стал мой сын, какую бы ни избрал специальность, мне бы хотелось, чтобы он был добрым и сердечным, чтобы помогал людям в трудную минуту. Я жалею, что так мало сделал для него. И еще мне хотелось бы, чтобы он никогда не забывал свою мать".

А потом пришло известие, в котором говорилось, что Терентий Ефимович Исаев умер в результате тяжелого ранения в голову, полученного при выполнении боевой операции.

Я познакомился с этими письмами уже после войны. Мать хранила их за иконой Николая Чудотворца, которая висела в горенке. Горжусь ими. Мне даже удалось опубликовать их в армейской газете, как бы в наиздание молодому поколению.

Я соблюдаю наказ отца. Служил добросовестно, был верен военной присяге и воевал не за страх, а за совесть.

И сейчас продолжаю служить нашей армии, работая военным журналистом.

О моих отношениях в прошлом с летчиком Берестовым и о печатных материалах о нем и о его сообщниках стало известно командующему военным округом. Он вызвал меня к себе для беседы. Попросил секретаршу, чтобы заварила и принесла в его кабинет чай.

- Будьте как дома, - улыбнулся генерал, приглашая меня к столу, где уже были расставлены чайные приборы, вазочки с печеньем и конфеты.

- Но не забывайте, что в гостях, - позволил себе заметить я, зная занятость высокого начальника.

- Ну, вторую часть этой присказки пока не будем брать во внимание, - ответил генерал, разливая по чашкам душистый янтарный напиток.

- Очерки ваши читал не без интереса, - сказал генерал. - Они привлекли внимание и за рубежом, о чем мне уже сообщили. Пристальное внимание. А это наводит на размышления. Определенные организации, - тут генерал сделал многозначительную паузу, - намерены активно включиться в поиски подземелья и уже изыскивают средства для этих работ. Конечно, их интересуют не только люди, которые там трудились. А поэтому надо, чтобы мы не остались в стороне от этого мероприятия. Надеюсь, вы меня понимаете?

- Безусловно.

- Так вот, думаю, будет правильно, если в команде поисковиков будет наш журналист. И кому, как не вам, автору очерков о Берестове, с которым вы воевали в одной упряжке, поехать туда?

Я отказывался верить услышанному. У меня даже дыхание перехватило от волнения.

- Ну что же молчите? - улыбнулся генерал.

- Я готов... Это было бы для меня большой честью, - проговорил я, все еще не оправившись от волнения. - И я приложу все силы, чтобы оправдать доверие и выполнить поставленную передо мной задачу.

- Ну, вижу, вы уже берете быка за рога, - засмеялся генерал. - Я ведь пока высказал свои личные соображения и не знаю, как к ним отнесется вышестоящее командование. Зато мне теперь известно ваше мнение. Вы готовы к бою, вы рве-

тесь в бой. Я так и доложу членам военного совета. Думаю, они поддержат меня. Читатели хотят знать, что стало с Берестовым и его единомышленниками, как этим людям, попавшим в подземелье, разным по характеру, с диаметрально противоположными взглядами на жизненные явления удалось найти общий язык. И удалось ли?

- Всем было бы интересно узнать о судьбе тех, кто рука об руку с Берестовым боролся против фашизма, - заметил я. - И потом, нельзя ставить крест на людях, судьба которых до конца неизвестна.

- А что если автор записок и те, кто разделил с ним судьбу, и по сей день живут и ждут помощи. Что если записки Берестова - это бутылка, брошенная с тонущего корабля?

- У меня тоже не выходит из головы эта мысль, - признался я.

- Нужно познакомить с записками знающих людей, организовать поиск узников. Возможно, кому-то удалось выбраться из-под земли, интересно узнать, как сложилась их судьба, - сказал генерал. - Полезно поинтересоваться, что стало с теми, кто наведывался в замок Баэров во время войны. Где они?

Мне было известно, что Международный военный трибунал в Нюрнберге покарал немало офицеров, занимавших руководящие посты в СС, гестапо, нацистской партии, в гитлеровском генеральном штабе. Но впоследствии многим из тех, кто сидел за решеткой, удалось освободиться "по состоянию здоровья" или другим причинам благодаря стараниям США, Англии и Франции, поправшим Потсдамские соглашения, где давалось торжественное обязательство проводить денацификацию и демилитаризацию Германии.

Даже всемирно известному военному преступнику Отто Скорцени, которого называли "черным циклопом", удалось избежать казни. Приближенный к Гитлеру "террорист номер один", командовавший диверсантами Третьего рейха, был арестован американскими войсками в мае 1945 года, предстал перед военным трибуналом в Дахау и, как это ни парадоксально звучит, был реабилитирован. Правда, впоследст-

вии он был арестован новыми германскими властями, но ему удалось бежать из лагеря в Дармштадте в 1948 году, после чего он нашел прибежище у испанского диктатора Франко и даже опубликовал в 1951 году книгу "Легион Скорцени". Потом он объявился в Каире и выполнял особые задания Насера. Умер этот отъявленный головорез, на счету которого тысячи загубленных жизней, в Мадриде в 1975 году, унеся в могилу немало страшных тайн.

Гитлеровцы с "восточным опытом" были взяты под опеку американской военщины. Избежав наказания, " рядовые" генералы и офицеры сначала обобщали опыт боевых действий Люфтваффе и составляли рекомендации для будущих кадров, которым должна была выпасть честь руководить вооруженными силами Западной Германии.

Бывшие военнослужащие Люфтваффе заняли в ФРГ руководящие посты в военных союзах и организациях участников войны типа "Объединения бывших служащих Люфтваффе" бывших летчиков-истребителей, участников "Легиона кондор", союза бывших военных летчиков "Флодиан", "Эскадра", "Гриф" и других.

Все эти союзы были заняты сбором и консолидацией летного состава.

Когда объявили о создании бундесвера, генеральным инспектором которого стал военный преступник, близкий советник Гитлера Адольф Хойзингер, бывшие фашистские генералы и офицеры Люфтваффе влились в военно-воздушные силы ФРГ (у них даже остались прежние чины).

Бундесвер создали для того, чтобы в подходящий момент можно было осуществить пересмотр европейских границ, насилием поглотить ГДР, захватить территории, принадлежавшие СССР, Польше и Чехословакии.

Западногерманские реваншисты усиленно добивались того, чтобы получить атомное оружие, о котором мечтал еще Гитлер.

- Думаю, определенных людей очень заботит судьба секретных документов, которые находятся в штолнях подземного завода, - продолжал генерал. - И, конечно, изделия, кото-

рые там производились. И заокеанские вояки не против поживиться оружием фашистов. Взять хотя бы руководителя германского исследовательского ракетного центра в Пенемюнде конструктора Вернера фон Брауна, где создавалась известная ракета «Фау-2» для обстрела городов Великобритании и Бельгии. После войны его заполучила Америка, где под его руководством создавались другие боевые ракеты и ракеты космической серии. И США уже приспособили некоторые из них против нашего государства.

Ни для кого не секрет, что наш город, а значит, и мы с вами, а также другие крупные города Советского Союза и социалистических стран находятся на "мушке" американских систем тактического и стратегического оружия, которое включает в себя межконтинентальные ракеты наземного базирования, стратегические бомбардировщики и тактические истребители-бомбардировщики с ядерным оружием, надводные и подводные корабли, на вооружении которых находятся баллистические ракеты.

Говоря о ставке Вашингтона на ядерную мощь, о дальнейших планах развития и наращивания стратегических средств, он показал карту с расположенными на земле американскими военными базами, подчеркнув, что только в Европе сосредоточено более семи тысяч американских ядерных боеголовок. Привел выдержку из доклада одной из подкомиссий американского сената, где говорилось, что "в течение многих лет США проводили политику окружения России кольцом тактического ядерного оружия и баз, с которых можно было бы его использовать".

- Чтобы отвлечь от континентальной части США удары возмездия, - заметил генерал, - американские милитаристы создают пусковые платформы для ракет и водородных бомб в бескрайних просторах Мирового океана.

- Мы только недавно, и можно сказать, случайно узнали о существовании на территории братской нам страны подземного завода. Они же о нем знали изначально и, видимо, предпринимали попытки проникнуть в него. Возможно, эти попытки даже увенчались успехом. Нельзя исключать и того, что им

удалось что-то важное изъять и передать экстремистским силам. Так что надо торопиться.

Слушая генерала, я как бы по ассоциации вспомнил опубликованные несколько лет назад в прессе материалы отайной подводной акции на озере Топлиц, расположенному с труднодоступном районе Австрийских Альп, предпринятой с целью розыска сокровищ, спрятанных здесь фашистами. Аквалангист-спортсмен поплатился жизнью за попытку поднять со дна сокровища, затопленные эсэсовцами. Неонацистское подполье, связанное с боннской разведкой и влиятельными покровителями из других стран, крепко оберегает "тайну озера Топлиц" и другие тайны неонацистов, которые могли бы потрясти мир.

И еще припомнилась мне заметка в "Известиях", в которой рассказывалось о подозрительных визитах черных "мерседесов" к голому каменному плато с чахлой растительностью вблизи польского городка Валимы, где под землей был сооружен гитлеровцами в годы войны огромный бетонный город. Там тоже готовилось "сверхоружие" Гитлера. Нетрудно предположить, чего искали "гости" с запада, куда, как стало известно по рассказам местных жителей, перед самым приходом советских и польских войск ночью проследовало сорок тяжелых грузовиков с кузовами, крытыми брезентом. Обратно эти машины возвращались уже под утро пустыми.

- Конечно, теперь фашистам нелегко вести розыски, но они не забыли своих склонов и предпримут все, что в их силах, и даже сверх того. Так что со своей стороны нам нужно поторопливаться, - сказал генерал. - Может, придется сделать заход с другого конца. Отправиться в Германию и попытаться найти оставшихся в живых узников концлагеря, помнивших лейтенанта Берестова. Они могли бы поделиться своими воспоминаниями, и мы узнали бы об отважном летчике больше, чем нам сейчас известно. Да и о клане Бауэров тоже.

Поднимаясь из-за стола, генерал, шутя, заметил:

- Вот теперь, с вашего позволения, можно и вторую часть упомянутой вами присказки вспомнить.

... Но не забывайте, что в гостях, - сказал я и тоже встал. На прощанье генерал крепко пожал мне руку
До скорой встречи.

ЗАЩИТЫ

О дальнейшей судьбе и приключениях героев этого повествования будет рассказано в новой книге, которая готовится автором к изданию.

удавался, я же и сам из хоккейного клуба в это время ушел в армии. Так что на данный момент я имею право на свободу в Нацистской Германии.

Слушая генерала, я как бы по ассоциации вспомнил спущенные несколько лет назад в прессе материалы о лайнерской подводной акции на озере Теглиц, расположенным с труднодоступном местом Австрийских Альп, предпринятой с целью разыска сокровищ спрятанных здесь фашистами. Активист-спортсмен попытка избежать погони за попытку подняться со дна сокровища.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая.....	стр. 4
Часть вторая.....	стр. 102
Часть третья.....	стр. 206
Часть четвертая.....	стр. 287

рассказывалось о подземных коммуникациях, связанных с "мерседесами" к голому каменному плато с чистой расительностью вблизи польского городка Вадимы, где под землей был сооружен гитлеровца. Там же находился бетонный город. Там тоже готовилось "сверхоружие" Гитлера. Нетрудно предположить, чего искали "гости" с запада, куда, как стало известно по рассказам местных жителей, перед самым приходом советских и польских войск ночью проследовало сорок тяжелых грузовиков с кузовами, крытыми брезентом. Обратно эти машины возвращались уже под утро пустыми.

- Конечно, теперь фашистам нелегко вести разыски, но они не забыли своих охранов и предпримут все, что в их силах, и даже сверх того. Так что со своей стороны нам нужно повторяться, - сказал генерал. - Может, придется сделать заход с другого конца. Отправиться в Германию и попытаться найти оставшихся в живых узников концлагеря, помнивших лейтенанта Берестова. Они могли бы поделиться своими воспоминаниями, и мы узнали бы об отважном летчике больше, чем нам сейчас известно. Да и о клане Бауэрса тоже.

Поднимаясь из-за стола, генерал, шутя, заметил:

- Вот теперь, с вашего позволения, можно и вторую часть упомянутой вами присказки вспомнить.

Следует отметить, что в то время в Германии было

очень много людей, которые были

заняты в различных

областях, включая

политику, экономику,

военную

и научную

сфере. Их

жизнь

была

充满了

секретов

и опасностей.

Лев Аркадьевич Экономов

"СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ ГИТЛЕРА"

Роман

В авторской редакции

ЗАО Издательский Дом "Красивые дома пресс"
129085 Москва, проспект Мира, 101
www.Houses.ru, [xpress @houses.ru](mailto:xpress@houses.ru)

По вопросам приобретения книги обращайтесь в отдел реализации
Издательского Дома:
тел.: (095)687-8113, 687-8108

Изключительные права на публикацию книги принадлежат ЗАО Издательский Дом
«Красивые дома пресс».
Полное или частичное воспроизведение материалов данной книги какими бы то ни
было средствами не допускается без письменного разрешения издателя.

Типография 4-ого филиала Воениздата. Заказ 6807 Формат 60х84
1/16, Гарнитура Ариал, бумага офсетная №1, тираж 2000 экз., объем
22 п. л.

